

The background is a textured, painterly illustration of a rainy window. Numerous white, wavy lines represent rain streaks falling across a greenish-grey background. In the lower-left corner, a bright red ceramic cup sits on a dark brown surface, with white steam rising from it. A single, detailed autumn leaf in shades of orange and yellow is shown falling from the upper center towards the middle of the frame.

Рамиль Сарчин

**К сердцу
подпусти**

Рамиль Сарчин

К СЕРДЦУ ПОДПУСТИ

Стихотворения

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5
С20

С20 **Сарчин Р. К сердцу подпусти : стихотворения.** – М.: Изд-во «Перо», 2025. – 232 с.

ISBN 978-5-00258-996-8

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00258-996-8

© Сарчин Р.Ш., 2025

Предстишие

Вы только помыслите,
Как велика Вселенная!
И что такое история всей Земли,
Как не крошка во всей её необозримости!
Что такое годы, месяцы, дни, секунды!
И неужели можно сомневаться в том,
Что каждый из нас —
Звёзды, люди, деревья —
Ничтожная доля атома
Неисчислимого времени и пространства!
Стало быть, мы —
Повторяемы!
И каждый из нас
Был продолжением каждого!
И повторялись мы
Друг в друге
И будем повторяться
Немыслимое число раз —
Вечно!

По кругу

Если ломаешь ветку,
Значит, ломаешь руку
Дереву –
Всё-то на этом свете
По одному-то кругу
Мерено.

Берёза посреди болота
В кругу тоскующих осин
Стоит, блистая позолотой, –
Как солнце, на ветру висит.

Но так темно, как будто ветер,
Рассыпав тучи по земле,
Тоску ночей увековечил
На мокрых лысинах полей.

Ограды – не такие, как в деревне,
Деревья – не такие, как в лесу.
Не балует в просветах меж деревьев
Разбойный ветер, а гудит всюду.

Когда кого-то опускают в недра
И люди – на тропе среди оград,
Прокуренные мужиками ветры
Сырой земле о многом говорят:

О том, что каждый медленно стареет,
И наступают времена утрат,
И что ограды – видимость оград,
Да и деревья – видимость деревьев...

Листвой опавшие под ноги,
Деревья догола раздеты,
Так безысходно одиноки,
Совсем как брошенные дети.

Прохожий, человек радушный,
На небо звёздное укажет
И почему-то тихо скажет,
Что звёзды — это чьи-то души.

Они людьми когда-то были:
Любили их, они любили.
И ничего, что их так много, —
Им и на небе одиноко...

А я давно уже о звёздах
Того же мнения, что о листьях.
И по ночам так стынет воздух,
И пусто на душе и мгlisto.

Роняя на размытый грунт
Грачей немолкнувшие стаи,
Шумят берёзы на ветру,
Грачиный крик перерастая:

Напоминая всё сильнее
О той, которой нет на свете,
Дрожат берёзовые ветви,
Как руки матери моей...

Со смертью матери...

Со смертью матери
не стало в мире женщины,
Которой буду дорог, как сынок.
Горят березы, в осень порыжевшие,
И как я в эту осень одинок!

Со смертью матери
не стало в мире нежности,
Которой мне не будет и в раю.
Стоят березы в стылой зимней нежити –
И я стою как будто на краю.

Со смертью матери не стало понимания
И всепрощения души родной.
Березы о любви всё шепчут в мае мне,
Мои же мысли только об одной...

...И год прошел. И дни настали летние.
Всё по порядку – той же чередой...
Березки обнимаю, где б ни встретил их,
И в каждой вижу маму молодой.

Берёза

Когда умру, тоскуя по весне,
Прошу вас: не горюйте обо мне,
И ни к чему высокие слова —
Когда берёз отговорит листва...

Ах, как берёза пахнет стариною!
А в пору зимних и тревожных дней
Она всегда белеет надо мною
Как светлый образ родины моей.

Берёзы стали символом отчизны
Не потому, что много их у нас,
А потому, что светлый облик жизни
На их коре молочной не погас.

И пусть всегда по осени ледащей
Перегорает палая листва!..
Мы все, как листья, тоже уходящи,
Но и без нас берёза не мертва.

Деревья окрасились в солнце —
Деревья по лету грустят.
За месяцем месяц несётся,
Ничто не вернётся назад.

Сквозь тысячи реинкарнаций,
За толщами вечности-тьмы
Потомки потом усомнятся:
А были ли, в сущности, мы?

И мы никогда не поверим,
Как душу свою ни томи,
Что грустные эти деревья
Когда-нибудь будут людьми.

Уже ничего не растёт
На пустоутробной земле.
И жёлтый осенний листок
Распят на оконном стекле.

Замолкло по лесам,
И листья неживые,
А впрочем, я и сам
Заговорил впервые

За тот недолгий срок,
Что я на новом месте,
Где кто бы уберёг
От пошлости и лести.

И в тишине густой,
Сникая головою,
На квёлый травостой
По-волчьи вою.

...И осень.
И давно уже
Светает инеем белесым.
Трава,
Сведённая с межей,
Лежит и чахнет по навесам.

И осень всё-таки права:
Не вечно травам наливатьсь!
И поредевшая листва
Дрожит от собственных оваций.

И льются
С головы до пят
Листвой оплаканные реки;
И кажется,
Что листопад —
Навеки.

...Мы словно травы на меже —
С сознанием весенней силы.
Мы словно травы.
Но уже —
И осень,
И траву скосили...

Цветоповал

Так часто говорила, что умрёт,
Но даже стены верить перестали,
И, упираясь в деревянный свод,
Обойные ромашки отцветали;

И неживые поняли уже:
Не люди если, значит, время скосит...
От переточки жатвенных ножей
На серых крышах отдыхала осень –

И часто говорила, что умрёт,
Но умереть достойная едва ли,
Когда кругом – пора цветоповала,
Когда на каждом лепестке упрёк
Всё той же самой, что косить устала.

Под тяжестью ветров прогнулись травы –
Кого-кого, а их ветра гнетут
И гонят птиц в безоблачные страны –
Кому-кому, но им не место тут.

Сплошной гангреной прогнивает небо,
И лишь краями гнойные лучи
Роняет солнце, ожидая снега,
В надежде снегом раны залечить.

А с утра сегодня моросит...
А с утра сегодня еле-еле
Птицы перелётные летели
Над ветвями высохших осин.

Словно похороны:
Друг за другом
Всё тянулись медленно на юг –
И теньями наполнилась округа,
И кресты мерещились вокруг.

Си-ля-соль-фа-ми-ре-до –
Целый день такая мука!
Птицы метят за кордон –
То же сочетанье звуков.

Будто задана навек
Эта звуковая гамма:
Си – родился человек,
До – пришёл к могиле прямо.

Мы хотим наоборот:
До-ре-ми-фа-соль и выше.
Но земля своё берёт –
Слышишь?

Как хорошо по берегам
Бывает в ветреную пору:
И волны ластятся к ногам,
И что-то трепетное вторят.

А ты стоишь – и сердце вон
Под эти бьющиеся воды:
Что может быть живее волн
И что безропотней уходит?..

Ничего земного не приемля,
У ночного неба на виду
Под ракетами озёра дремлют,
На волнах баюкая звезду.

Но с грудными звёздами озёра
И ракит склонённые стволы
Вовсе не предмет для разговора
Под покровом вечности и мглы...

Смыкает небо тучи-веки
И прячет золотой зрачок –
И на извилистые реки
Ложится ливнем на бочок.

И вот – земля и небо вровень,
И сёла сумерек полны,
И полуночницы-луны
Бликует лик по мокрым кровлям.

Всё закончится так:

 никому и никто не обязан –
Потому что нельзя,
 потому что так нужно Ему,
Потому что по горло
 руками-ногами повязан,
Только кем и когда –
 никогда я уже не пойму.

Всё закончится так:

 будет ночь, будут жаркие звёзды,
И одна, как нарочно,
 всё будет манить и манить...
И ты знаешь, родная,
 окажется так несерьёзно
В эту позднюю осень
 кого-то за что-то винить.

...Я ушёл за грань того, что ведомо
Разве только Богу одному;
И Звезде одной был только преданный,
Той, что обезболивает Тьму;

Той, что так немыслимо далёкая –
Кажется, за гранью Бытия –
Там, где всё туманом заволокано,
Там, где будем только Ты и я...

...Как это непростительно – не длиться
Душой и телом – на самой Земле...
Ну, что за радость быть самоубийцей –
Чтобы навеки пребывать во мгле?

И как так может, чтобы эти звёзды
И солнышко тебя не сберегли?..
Всё будет так необратимо поздно,
Когда душа сокроется вдали –

Она в такие выси вознесётся,
Где не согреет ни одна из звёзд,
Где нет ни Бога, ни Любви, ни Солнца –
Лишь только смерть, ограда и – погост...

...Поэтому иди ко мне Ты в гости –
Я обниму тебя, мой добрый друг...
Какие бы там не кружили злости –

ТЫ
ДОЛЖЕН
БЫТЬ,
а не исчезнуть вдруг...

...Я просто хочу уйти...
...Куда-то – уйти бы только...
И пусть на моём пути
Не будет растений колких,
Не будет там разных ям,
Не будет там всяких кочек.
И буду я сам – упрям,
И буду я, между прочим,
Совсем не такой, как все:
Не грубый там, не одинокий...

Уйду –
босиком
по росе –
Туда, где не бьются о ноги
там
разные
всякие –
все...

...И будет Там яркий свет,
Такой, что едва ли встретишь
На вечных путях комет –
Какой бы космический ветер
Тебя на крылах ни нёс –
С какою бы скоростью света! –
И будет космический пёс

Всё лаять и лаять на ветер —
На тот, что тебе в крыла
Всё дул бы и дул безотказно...

...И ТЫ БЫ МОЕЮ БЫЛА —
БЫЛА БЫ МОЕЮ ТЫ!..

Разве
Немыслимо это,
Когда
И Свет
За немислимой бездной
Меня привечает всегда
Своей бесконечностью звездной?..

...Оно задумано, чтоб веселить,
Пока не бьёт по почкам и по сердцу,
Пока ты окончательно не влип –
И от болезни никуда не деться,
Пока всё только кажется игрой
И сердце из груди лететь готово,
Пока ты пир –
И этот пир – горой –
И до конца не сказанное слово...

Пока ещё аукается жизнь
Среди каких-то непролазных дебрей...

Но ты не дрейфь!
Хотя бы как – держись! –
Ведь есть на свете солнечные дети!

И ты для них – опора!
Ты – отец!
А может быть, и выше даже –
ОТЧЕ!..

...Ну,
Вышел?
Всё?
Какой ты молодец!
И даже самый лучший, между прочим!..

...Ты владеешь этим – абсолютно –
Неизбежно это право – ЖИТЬ! –
Потому что солнечное утро
Повелело миром дорожить!

Ты владеешь – значит, обладаешь
Всем, что преисполнено теплом,
Хоть оно бывает и со льдами –
С этим вековечно мёрзлым злом.

Всё же верь, что проживёшь на свете
Лишь лучами длящейся весной!..

...Что?
Опять –
Не кажется ли это
Так и не сбывающимся сном?

Нет,
Не кажется –
И ты забудешь
Боль свою,
Как тот кошмарный бред,
Где тонули в океане люди,
Где ни солнца, ни спасенья нет!

Своему неспасшемуся другу
Я вот эти строки написал.
Где же он теперь –
В каком круге
Ада –
Или в райских небесах?

Или закружился, может статься,
Посреди каких иных планет?..

...Слову надо вовремя рождаться –
Опозданию
Оправдания
Нет!

Сукровицей заката
Сочится край земли.
В предчувствии зимы
Сердце тоской объято.

Нету радости ни от чего:
Ни от посиделок с добрым другом,
Ни среди людей, ни от того,
Что зовут они семейным кругом.

Лишь туман томления в груди,
Только одиночество с тоскою.
И до смерти хочется покоя
От того, что будет впереди...

Если не напиться, то повеситься.
И прости ты, дорогая, мне,
Что за мною мчит старуха-вечность
На холодно-призрачном коне.

Вот уже косу свою наводит,
Вот уже нависла надо мной...
Но махнёшь стакан родимой, водочки, —
Сразу жизнь становится иной.

Горят поленья:
Год за годом
Отслаивается зола –
Им сумеречная погода
Другой кончины не дала.

О, если бы и мне не мешкать
У раскалённого котла...
Горят предсердий головешки,
Но безо всякого тепла.

Лёше Ланцову

Отцветает трава, и колосья
Созревают в полуденный зной.
Приближаются дни сенокоса –
Наступление жизни иной.

Переход, как всегда, незаметен –
До конца не поверишь концу,
Что ласкавший по-летнему ветер
По-осеннему бьёт по лицу.

И в осенней своей круговерти
Отстрадавшую валит листву
И давно уже призраком смерти
Так и кажется наяву.

Содрогаю деревьев скелеты,
По дорогам выюжит и выюжит...
Снег посмертной маскою лета
На земле погребённой лежит.

Безголосье...

Снег.

След – полозьев

Бег.

Бьётся в окна

Звук

Одиноких

Вьюг.

А на стёкла

Лёг

Кособокий

Лёд.

Нерождённой дочери

Приходила ко мне по ночам,
Обещала не плакать ночами.
И тебя я во снах привечал,
И тебя мои руки качали.

Ангелочек неявленный мой,
Белый свет не выдавшая дочка,
Я в ночи, непроглядно немой,
Обещал: ты родишься – и точка!

Только как же несбыточны сны!
Как бы в них ты порой ни стучалась –
В дни такой долгожданной весны
Не завяжутся жизни начала.

Так что ты подожди меня Там,
В звёздно-нежной своей колыбели.
Я приду, я пойду по пятам,
Как бы близкие Здесь не скорбели.

Это кто постучался в наш дом?
О-го-го – Дед Мороз бородатый!
А чего там в мешке голубом?
Ничего себе – сколько подарков!

А мальчишке, который мой сын,
Ничего ли там нету случайно?
Он, мне помнится, поезд просил,
Чтобы с рельсами, необычайный!..

Ух, и поезд, и даже с трубой –
Дед Мороз, мы мечтали об этом!..
И какой твой мешок голубой –
Сколько много небесного света!

(...Дед Мороз, а нельзя ли с тобой
Хоть разок посидеть до рассвета:
Чтобы ночью не грезились сны –
Не водили путём опостылым
И под сумрачным светом луны
Ненадолго меня отпустили?..)

Мне бы детский смех услышать,
Детский плач...
Но с утра кричит на крыше
Только грач.

Да мурлычет с недосыпа
Хмурый кот,
Да повсхлипывают липы
У ворот.

Да по трубам ветер воет –
Не впервой.
Может быть, из-за него я
Сам не свой.

Нам не достало малости тепла.
Нет, не тепла небесного светила,
А чтоб душа во мраке не спала
И чтоб её на весь бы век хватило.

Нам не достало малости тепла —
И не пробилось зёрнышко участия —
И некуда, и не к кому умчаться
Душе, что век свой слепо проспала.

Тапки

Что говорить о людях,
Если у пары тапок
Разная физиономия.

Не давите живого и тёплого,
Хоть и нежного, мягкотелого.
Ваше сбудется: скажете слово –
И весомее, и по делу.

Как умру – и станется камнем,
Чем бы там судьба ни играла, –
Что угодно лепите из памяти:
Нет податливей материала.

Мол, и жить тяжело, и несправно же вот нам...
Но одно я на это скажу:
По тому, как живетса бездомным животным,
Я о жизни сужу.

Не жизнь, а сплошные даты...
И вот от тебя – когда-то –
Останется – страшно молвить! –
За шаткой оградкой – холмик.

А там – и того не станет...
А всё же душа – летает
И просится всё – к кому-то? –
Особенно – если муторно,

Особенно – если вёсны,
Особенно – ночью звёздной...
А ты – в опостылом теле.
...Чего ж мы еще хотели?

...И ничего безнадежнее —
Пытаться войти в дверь,
Нарисованную тобой же
На глухой стене...

Слёзы

Когда плачут люди,
Хочется попробовать их слёзы на вкус —
Не вода ли это?

Смерть

Смерть —
Это вроде куда-то вышел,
Но вот-вот вернёшься.

Как бы ни хотелось ерепениться,
Не кляни хотя бы и соперницу!

В нашей повседневно-серой нежити
Только вы одни меня и нежите.

Да ещё вот дети – наши капельки...
Если б не они – по вене б скальпелем!

Музе

Мои нечисты ночи,
Так нечисты:
Живу с женой, а мысли – о тебе –
Как на ветру страдающие листья,
По осени – покорные судьбе!

Конечно, это страсть,
Конечно – подлость
И грязь
По отношению к жене.
И что быть может нечестнее: подле
Неё лежать и каяться в вине

Перед тобой и перед ней?..
Нечисты
Мои не то что ночи – день любой...
Скорей бы уж пережелтели листья,
Перегорели...
Да и я... тобой...

Печальное

*Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто..
Николай Рубцов*

Порою старинные ходики
Нет-нет да ещё захрипят –
И думаю, вроде молоденький,
Но всё о печальном опять.

За каждое слово в ответе я,
Но как объясниться жене,
Откуда в начале столетия
Такое печальное мне?

Зачем, как подругу влюблённую,
Под руку гитару беру?
Другие часы, электронные,
Уж будят меня поутру.

Часов электронных стучание,
Их точно размеренный тон...
Прости мне за песни печальные –
За них не в ответе никто.

Навяжется дума –
И вертит, и вертит:
Всё меньше – о юном,
Всё больше – о смерти.

И тянет, и тянет,
Как илистый омут...
Немного хотя бы
Пожить по-другому!

Потянешься к Богу –
Пока безответно...
Хотя бы немного
Подумать о светлом!

Пьяное

В этом мире я только прохожий –
И бреду вот с небритою рожей
По земле – и мне до смерти стыдно –
Оттого, что неблагоприятный.

А не брит потому, что в загуле –
И бреду по заснеженной улице
За ещё одной порцией выпивки
Под какую-нибудь дохлую рыбку.

И прохожие сторонятся
Беспросветного сволочи-пьяницы –
И не знают, что этот прохожий
Проживает в поэтовой коже.

И ему до печёнок обидно,
Неудобно, и больно, и стыдно –
Потому что поэтово слово
По значенью не меньше святого.

А вот он эту святость нарушил –
И терзает поэтову душу,
Что несёт это пьяное тело,
Потому что оно так хотело.

Это то же, что детское сердце,
Которому б греться и греться, —
Просто взять и лишить кровотока —
Непростительная жестокость!..

...И непонятно, на которой улице,
Где ночь, аптека и всё тот же свет,
Ты так незвёздно, дорогой, сутулишься –
Как будто чуда не было и нет.

И разве мы так невысоко созданы,
Что нам не оторваться от земли –
Как будто рождены мы не под звёздами –
И не для звуков сладких и молитв?..

Скажи как на духу: ну разве
Я не заслуживаю Ту –
И ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и пустоту?

И сердце рвётся и рыдает –
И не насытится никак...
Кругом снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

И чьи-то ласковые жёны
На этом огненном пути...
Вернусь домой уничижённый –
Ты сможешь ли меня простить?

Всё до смерти осточертело,
И в сердце – сущий кавардак!..
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Простишь ли, достоверно зная
Про эти тёмные дела –
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?..

Два четверостишия

1.

Вроде как бы живя по прямой,
Даже самые древние знали:
Диалектика мира банальна,
Да и сам он, меж светом и тьмой...

2.

...И у вечности на виду
Вот живу, и меня – будто двое.
И никак не осмыслю того я,
От чего и к чему я иду...

...Я видел Мрак,
Я видел эту пропасть –
И не пропасть мне помогала Ты –
Когда и жилы от напряжения лопались,
И все мои воздушные мечты.

Как ни тяжки мгновенные уходы
В непостижимо дальние места –
За гранью голубого небосвода –
Но это сердце бьётся только Там.

Там
Ты
Живёшь
Божественной Царицей –
Моей высокой призрачной мечтой –
И вокруг Тебя созвездие искрится
И льётся Свет, как солнце, золотой!..

В стакане белом
Прозрачным телом
Дрожит вода.
Мне надоело –
Всё надоело –
Как никогда.

Вот – кипятильник
Теплообильный
И – провода.
В стакане белом –
Такое дело –
Бурлят года.

На краю ведёрка –
Тряпка половая.
Весь в заплатах грязных –
Недомытый пол.
Засорилась пылью
Связка горловая,
Засорился грязью
Я с недавних пор.

Шитый-перешитый
Звёздной позолотой,
Надевает вечер
Шутовской камзол.
...Кто-то замолкает,
Не dokonчив слова.
...Кто-то оставляет
Недомытым пол.

Оттого что мы живём однажды –
Только Здесь – и больше никогда –
Жизнь должна быть кровеносной скважиной –
От которой все бы города
Наполнялись добрыми улыбками –
Бесконечно-солнечным теплом –
Никогда бы судьбы – даже зыбкие –
Не бывали брошены на слом...

Ходить по птичьим рынкам
Так трудно без стыда:
Аквариумных рыбок
Мне было жаль всегда.

Они носами трутся
О стёкла день-деньской.
И им, наверно, грустно:
Ведь где-то царь морской!

Не жалуются, если
Забыли покормить:
Они же бессловесны —
Совсем не то, что мы.

Они — не мы...
Но, может,
Мне потому и жаль,
Что человечья всё же
В глазах у них печаль.

...и чтобы ни один из душных снов
не сбылся ни на малую секунду –
и изо всех незыблемых основ –
каким совсем ты ни был бы паскудой –
нет! ни одна не рухнула с петель –
и чтобы яви обернулись чудом:
проснуться, и оправить бы постель,
и снова верить: был, и есть, и буду...

Что ни день – ну, всё не по нутру.
До чего же муторно и тяжко!..
Ангела я видел поутру –
Над соседней плыл многоэтажкой.

Будто бы передавал привет
Ото всех, кто мирно упокоен.
И душа моя пошла на Свет
И такой исполнилась тоскою

По нездешним, по родным местам,
Где не знают Небыли и Были.
Так легко и так уютно Там,
Где до Жизни все когда-то были!..

Мы продолжим жить и после смерти,
Как бы там ни призывали бездны.
Не позволит белый свет, поверьте,
Никому и ничему исчезнуть.

Разве что сканирует детально
На добро и зло, потом отбелит
Ото зла – и вновь душа хрустальна,
Словно у детишек колыбельных...

Милость

Для судеб создана Земля –
На ней вершится суд.
И вроде, как ни умоляй –
На кладбище снесут.

А вот кому дано вникать
В суть Божьей Доброты,
Тот знает: не уйти никак
Небесной высоты.

...И снова травы сохнут на корню,
И всё же, всё же головы не клонят —
Не оттого ли я быльё храню
Меж жёлтых листьев томиков зелёных —

Как память, дорогая, о тебе...
А травы... травы зацветут по маю —
Ни чьей-то не завидуя судьбе
И всё на свете мирно принимая...

Волны

Какие волны нынче – просто жуть!
И на кого Нептун так грозно злится?..
Но лишь послушай: эти волны ржут
Под ветром, как степные кобылицы.

На их крылах и в вечность не зазорно!
А эти гребни-гривы каковы –
Сравниться с ними может лишь ковыль,
Что на ветру вынашивает зерна!

Нежнее разве только та, вдали,
Забытая за горизонтом темным,
Где разрезают море корабли
И где закат до неприличья томен.

Где был я счастлив пару-тройку дней,
Как море солнышком, любовью полный...
И нет тех дней мне ближе и родней.
...О, как же вы разволновались, волны!

Твоё «привет» в сто раз теплее «здрасьте» –
Оно как солнца неуёмный луч,
Что даже в дни повального ненастья
Согреть мне сердце рвётся из-за туч!..

...А нынче что я сотворил за зло,
Что ты сменила своё «привет» на «здрасьте» –
Неужто было лето и прошло,
И снова осень всё собою застит?

Прошла любовь, и говорить нам не о чем.
И за окном давно уже сентябрь.
Поразбросала осень листья-мелочи.
Не осень, а сплошной цыганский табор!

Но как там душу ею ни расцвечивай,
За прошлое никак не удержаться.
Прошла любовь, и говорить тут нечего.
А листья всё кружатся и кружатся...

Я ищу Тебя
(вроде шутки)

Я ищу Тебя –
Тебя все нет.
Может быть, и не было на свете.
Может, даже прошлогодний снег
Для кого-нибудь реальней светит.

Но сегодня вот явился сон:
Словно мы с Тобою в Крым катили.
И казалось мне, что я спасен!..
А потом казалось: Ты, не Ты ли –
Все-то так неясно поутру –
Будто наваждение какое!

Наяву в пустую явь смотрю –
Виджу одиночество с тоскою.

Кто-то скажет:
Мол, а что жена?
Есть она – так что ж по Крымам едешь?

Так и есть.
Так что ж так прожжена
Психика поэта?..

Ты Там есть же!

...Как этот одинокий пёс,
Который по задворкам кружит, —
И я давно уже дополз
До одичалости наружной —

Да что наружной! — и внутри
Так зло и беспробудно тёмной,
Что сердце еле как горит,
И по-собачьи тяжело мне —

Как этот одинокий пёс,
Бреду тревожно в мрак морозный,
Терзаясь лишь одним вопросом:
Была Ты в шутку иль всерьёз?..

...И никак душа не хочет
К стуже привыкать:
Теплокровная уж очень,
Хоть и на века

Создана – и ей бродяжить
Между ледяных
Звёздностей не вечность даже,
А иной длины

Времена, где альфы, беты
Будут уж не те...
Впрочем, что сейчас об этом, –
Только в пустоте

Одиночества не стыть бы,
Будучи с тобой
Рядом – это же и стыдно,
И такая боль!..

Дай мне насытиться запахом
Нежно-телесным твоим.
Или земного нельзя, пока
Музой небесной томим?

Только —
В разреженном воздухе
Вряд ли всей грудью вздохнёшь...
Разве насытишься звёздами?
Каждая в сердце, как нож.

А по земному, родимому,
Так изболелась душа —
Нежность необходима ей:
Дай мне тобой подышать!

В нереализованной любви
Кроется причина всех недугов.
И зови её ты, не зови —
Не придёт к тебе твоя подруга.

Ни подруга, ни родимый друг
Не одарят сердца добрым взглядом.
А без них — оглянись вокруг:
Ничего-то в жизни и не надо.

...Потом только – позвони ты мне,
Скажи, что опять со мной.
И чтобы такой же истинной,
Такою же неземной,

Такой же, как в небе солнышко,
Какой и была всегда! –
И сердце моё наполнишь ты,
Как речку весной вода...

Сон

...Дорога, прямая и ровная,
Была уготована мне...

Во рву придорожном корова
Покорно паслась в стороне.
И цвет её солнечно-жёлтый
Светился, как месяц с небес...

И радовался, и шёл ты —
И прямо привиделся лес...

Как каркали эти вороны!
Так было темно в ночи:
Кажется, нитку чёрную
С белой не различить!
Всё исходило гвалтом,
Но было страшнее то,
Что сколько бы ни кричал ты —
К тебе не пришёл никто...

А самое страшное было
Во всей этой жути лесной,
Что ты меня не любила,
Что ты была не со мной...

Такой мне приснился сон.
И я всё молю у Бога:
Какой ни была б дорога —
Да будет не в руку он!..

Пробуждение

Отшелестели листья,
но местами
ещё висят без смысла у окна
и так о стёкла бьются,
облетая,
что пробуждают ото сна.

И так они,
бессмысленные,
тщатся
живыми
показаться на заре,
что думаешь:
каким бы было счастьем
непробуждённым умереть!..

Что же я такое сделал Там,
Что на Этом суд такой суровый:
Так и ходит болью по пятам,
Так и давит сердце чёрной кровью?

...Думается, было это так:
Женщину оставил одинокой,
Ту, что и любимой перестав
Быть – вовеки не отёрла б ноги

Об тебя, каким бы подлецом
Ты бы ни был –
Так тебя любила.
И в итоге – кто, в конце концов,
Попросилась

И на Этом
Белом
Свете

Быть с тобою до Звезды –
Той, что за пределом даже Света,
Где не тают никакие льды,
Где не дует даже слабый ветер...

...Спрашиваешь, почему я здесь?
Потому, что Ты была и есть –

И да будешь рядом! –
У черты,
Тою, за которой даже Ты

Душу, вечным верную путям,
Не вернёшь и не отсрочишь сроки...
Что же без Тебя я буду Там,
Неприкаянный и одинокий?..

Если б ты знала, как мне одиноко...
Как там себя не отнекивай,
Так тяжело, когда нежности много,
А одарить ею некого.

Есть и жена, и, как водится, дети...
Только... бывает минутами:
Будто душа как до нитки раздета –
Холодно, неприятно ей.

Если б ты знала, моя дорогая,
Как одиночеством выстужен.
Только... ведь жизнь не даётся другая...
Эту бы как-нибудь вытужить.

Я удалил твой телефон –
Вот, не сдержался!
Жёг меня он,
Жёг меня он
Пчелиным жалъцем.

В сердце – тоска,
В сердце – разбой!
И пчёлка – тоже
Только цветком,
Как я тобой,
Жить и может...

Иссиня-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали...
Может быть, когда-нибудь поймёшь,
Для кого они предназначались.

Для кого в ненастной тишине
По заборам сплетничала осень.
Может, при доверчивой луне
И тебе печально станет очень.

И уже перепечалась тем,
Что годами пережито всеми,
Словно об одной из главных тем,
Затоскуешь по любовной теме.

И тогда, наверное, поймёшь,
Что не понимала поначалу:
Иссиня-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали.

Казалось мне: ну что за дело,
Что ты так телом хороша?
Но верилось: в красивом теле
Живёт высокая душа.

Казалось, что с такой красивой,
Богине разве что под стать,
Меня не только мрачным силам,
Но и нечистой не достать!

...Но и достали, и срубили,
И вовсе извели на нет.
А рядом женщины любимой,
Родимой –
И в помине нет.

И только вздохи соучастья
По исковерканной судьбе...
Не дай-то Бог такого «счастья»,
Моя красивая, тебе!

Змеиное

1

Неземная – значит, не за мной ты,
И, быть может, тем и хороша,
Что мои страдальческие ноты
Не тебе терпеть, моя душа.

Это дело жёны разумеют,
Их удел – страданья врачевать,
И врачуя, горе горевать,
Отогреться думая со змеем.

2

Моя змеиная душа
Змеиная лишь потому,
Что с нею льда не продышать
И не согреться никому.

Но это – чуткая душа,
И ей знакомы боли дней,
И с высоты её видней,
Что вечных льдов не продышать

И – что неведомо уму! –
Не отогреться никому.

Своим пальцами по моей коже
Играла музыку высоких сфер...
И всё казалось мне,
Быть может,
Может,
Сидим в каком-нибудь с Тобой кафе.

И льётся музыка, рождая песню –
Такую дивную, как ручеёк,
И мы с Тобою наконец-то вместе,
И говоришь Ты мне,
Что – дурачок.

Я обезумевший, раз так страдаю
От звука всякого и от руки...
Ты понимаешь ли, моя родная,
Что песней не избыть моей тоски
По музыке на зазвеневшей коже?..

Стихи ты увела с собой –
Так, будто жёны при разводе,
Желая довершить разбой,
Детей уводят.

А без любимой и детей
И жить-то, попросту, не стоит:
Сосуществуя с миром тех,
С кем быть – пустое.

Для тебя я такой же, как многие,
Ближе разве, но вряд ли родней.
И живём мы с тобой, одинокие, —
В одинаковом множестве дней.

Оракушенные привычками,
Всё тоскуем о чём-то большом...
И тоска-то какая — не вычерпать
Никаким, даже звёздным, ковшом!..

Мне кажется, и ты – не Та,
Что снилась мне ночами.
В душе такая пустота!
И не помочь речами,

Какие б ни были они –
Нежны и человечны...
Погасли звёздные огни,
И всё затмила вечность –

Такая бездна пролегла,
Что ничего не надо.
Мне кажется, и не была
Ты рядом.

Ещё один день без тебя.
Ещё одна ночь одиночества.
И ветер, листву теребя,
Потерянный, по двору носится.

Как будто бы и ему
Людские страдания ведомы.
Листва, осыпаясь во тьму,
Грозит неизбежными бедами.

А сердцу-то хочется лишь
Простой человеческой малости:
Была бы ты рядом, малыш,
И чтобы всегда улыбалась ты.

Вот и ночь последняя пришла,
Ничего, что тёмная и долгая —
Ведь ещё сердечные дела
Нависают ненавистным долгом.

Здесь — *одна*, *другая* — там, вдали,
Где по морю, долгому и тёмному,
Разрезают волны корабли,
И закат до неприличья томен.

Впрочем, речь-то вовсе не о том.
А о том, что вот — дела сердечные
Не дают уйти прямым путём —
Прямо по пути, который в вечность...

Это ж надо: смертная тоска
Как качает по своей параболе!..
Если жизнь свою поистаскал,
То и душу отпустить пора бы...

Всё мгновенно пройдёт, как в кино:
Дни, недели прокрутятся, месяцы –
И во Времени всё перемесится
И уляжется тихо на дно...

Время лечит? Калечит оно!
Потому-то и больно, и жутко,
Что недолгий земной промежуток
Мне прожить без тебя суждено.

Айтулы

...И, на полную глядя луну,
Часто думаю думу одну.

Эта дума светлей луны –
О красавице Айтулы,

Что была, словно лебедь, бела,
Что нарядна, как пава, была.

Были бусы её красны,
Пудра – неслыханной белизны!..

Красота обернулась судьбой –
Идегей уманил за собой –

Уманил и оставил тебя,
Во цвету молодницу губя.

Айтулы, ты осталась одна,
Словно полная в небе луна.

Но судьба твоя, Айтулы,
Не полнее ущербной луны...

Утреннее

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я рано по туману
Пробуждаться летом на заре

И послушать утреннюю птицу,
И zalюбоваться на ручей,
Что уже успел позолотиться
От охапок солнечных лучей.

Поглядеть украдкой на дорогу –
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в тёплую избу.

И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные берёзы
Бились и страдали на ветру.

Дорога тянется,
Как пёс, ко мне.
Сутулясь, пьяница
Идёт по ней.

Да за околицей,
Где зябь везде,
Ворона молится
На борозде.

Дорога узкая,
А всюду – ширь!
Таков у русского
Замер души.

Родине

...И дорогам-то нет числа:
Вся-то родина, что просторы...
И глядишься, как в зеркала,
В голубые свои озёра.

Ты, родимая, спору нет,
Всех прекраснее и милее!
Потому и грустит поэт,
Городскою бродя аллеей.

Вон – Есенин, а вон – Рубцов...
Мало, что ли, хороших было?
Не печалься. В конце концов,
Ты сама же их и сгубила.

Упокоила сыновей.
Кто там следующий паломник?..
Мы с тобою одних кровей.
Отчего же так тяжело мне?..

Ночное

Меня пугает темнота...
Дорога сельская пустынна
И на листе тетрадном стынет.
Ночная – за верстой верста.

Меня пугает темнота...
А если далеко от дома –
Дорог прогнившая солома
Милее белого листа.

Меня пугает темнота...

Какова изба –
Брёвешко ко брёвешку,
Такова судьба –
Времечко ко времечку.
Какова изба –
Такова судьба.

Не дал Бог избы –
И судьба порожняя:
Всё столбы, столбы
Да кресты дорожные...
Не дал Бог избы –
Всё столбы...
Столбы...

Если б да кабы...

Россия

Ольге Пуссинен

Когда уже совсем невыносимо
И сам с собою будто бы с врагом,
Невольно затоскуешь о России,
Как не тоскуешь ни о ком другом.

Она тебе как обещанье рая
За всё, кем был и не был на земле.
И нет её желанней и милей,
Как нет ни ближе, ни родимей края.

Куда ни глянешь — не видать ни зги,
Куда ни ступишь — не найти дороги...
Чтобы развеять зимние тревоги,
Размениваю мысли на шаги.

Как мне привычно стало при луне
Скитаться по окраинам деревни —
И согреваться думами о древнем,
И помечтать о будущей весне...

Когда настанет самая пора,
На свежий ветер форточку открою:
Как никогда, весеннею порою
В неё восходит воздух со двора!

И голуби об окна шелестят,
Такие вдруг ручные, недотроги!..
И ты, совсем как малое дитя,
Не ведаешь ни мысли, ни тревоги.

Возвращение

Село моё – окраина и скука...
И на проулки, бедные людьми,
Горит мечети озарённый купол
И голубями сизыми дымит.

И голуби садятся на дорогу,
Когда с машин просыплется зерно.
И светит чьей-то матери убогой
На целый мир косящее окно.

И в том окне, дарёная невесткой
И по старинке шитая крестом,
Узорная белеет занавеска
И чем-то светлым наполняет дом.

В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно.

Приехать мне сюда пораньше бы,
Когда горит костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой,
Чтоб с небесами со всевышними
Я смог пропеть над каждой крышею,
Отбросив все раздумья лишние:
Я снова – со своей тоской!

Чтобы над каждою деревнею
Вдыхать соломы свежесть древнюю,
И в дыме утопать сиреневом,
И гладить каждый дым рукой!..
Но не горит костёр оранжевый –
Уже сгорел костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой...

Приехать мне сюда пораньше бы...

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

Хлеб

Говорила бабка мне,
Солнышком лучась:
– Даже и на камень
Хлебом отвечай!

Вечернее

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён —
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины,
Но как печально светятся они!

О чём печаль? О той ли, что у дома
Хозяйкой не привечена пока?
Но вот уже торопятся с бидоном —
И зазвенели струны молока...

Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

Серёга

Когда устану от дороги,
На восходе солнечного дня,
Хочу увидеться с Серёгой –
Он так обрадует меня!

Пойдём к нему и молча сядем,
Попьём домашнего вина –
И вот всю ночь за палисадом
Гитара стройная слышна...

А перед новою разлукой,
На склоне солнечного дня,
Серёга, пожимая руку,
Посмотрит долго на меня.

И с песней, будто бы на битву,
Проводит до креста дорог...
Эх, на дорогу бы молитву,
Да кто б из нас молиться мог!..

Снег почернел,
Значит – сойдёт
Скоро.
Лучик созрел –
Им уже лёд
Вспорот.

И воробы
По небесам
Сохнут.
И от любви
Рвался бы сам
С окон...

И на лету
Слышать вослед:
– Убыл. –
Невмоготу
Быть на земле
Грубым.

Но не продлишь
Пары минут
Даже.
– Падая, лишь
Капли живут, –
Скажешь.

Март

Греет месяц март,
Новый год по-древнему,
И уже зима
Чахнет над деревнею.

Серые стога
Явью обозначились,
И ручьят снега,
От тепла прозрачные.

Говорит народ,
Что снега – целебные.
Пахнет у ворот
Отрубями хлебными.

Мужики шумят,
Розовея рожам, –
Алексея чтят,
Человека Божьего.

А по селу гуляла Пасха –
Христовоскресило!
И всем дарили яйца в красках
Тепло и весело.

И по селу гуляли люди
С такими песнями,
Что всё казалось: вечным будет
Тепло Воскресное.

По крайней мере, каждый верил
В тепло весеннее.
И целый день входило в двери
Само веселие.

Твой месяц и светел, и тёпел –
У солнца благие дела:
Родимое, топит и топит.
И я, закусив удила,
Топлю и топлю, как лошадка,
Что мчится навстречу судьбе
По мостику, гибельно шаткому...
А я, дорогая, к тебе.

Солнышко моё

Мне бы голос твой услышать,
Солнышко моё, —
И тобой, моя малышка,
Буду умалён —

Стану вроде как ребёнок —
Маленький совсем:
В пелену добра обёрнут
И родной со всем.

Ни среди кого не лишен
И не уморён
Одиночеством...
Ты слышишь,
Солнышко моё?

Спасибо!

Спасибо за звонок!

Представляешь ли, как я ждал его!

А голос твой, твои слова –

лучший подарок мне.

Спасибо!

И не забывай писать мне каждый день,

как твои дела.

Быть может, самую чепуху несусветную,

но пиши, хорошо?

О том хотя бы, что мечты сбываются...

Шутка

Любимая, невеста,
С косичками двумя,
А ты могла бы тесто,
Как мать моя, намять?

А в час после обеда,
Заваривая чай
И о беде разведав,
Заговорить печаль?

А вечером – оладьи,
Как мамины – точь-в-точь...
Всё это ты могла бы,
Не бабушкина дочь?

Твои ласковые губы –
Две зеркальные зари.
Ими ты, моя голуба,
Моё сердце озари.

Чтобы день напрасным не был,
Да и зряшным не был сам,
Чтобы за насущным хлебом
Покорялись небеса.

Чтобы на ночь все тревоги
Отошли за горизонт.
И по заданной дороге
Вновь удача повезёт.

Верю, милая голуба,
Ничего не будет зря,
Если ласковые губы
Моё сердце озарят.

Ты знаешь, родная, ты знаешь, любимая:
Исхода минувшему нет.
И все-то пред Светом когда-нибудь были мы,
Летя по орбитам планет.

И знаешь ли, светлая, знаешь, родимая,
Что сколько б ни минуло лет,
А рядом с тобою не гаснет в груди моей:
Конца и грядущему нет.

Луизе

Это мне когда-то
С высоты далось:
Чёрная – в закатах –
Ночь твоих волос.

Зелень взгляда, точно
Изумруд озёр –
И колдует ночью
Этот влажный взор.

Губы пахнут зноем –
Даже в дни обид.
Ты – моё земное,
Мой вседневный быт.

Впрочем, быт, как знаешь,
Корень бытия.
Значит, ты – земная
Высота моя.

Тебе

Какое счастье в том, что ты – моя!
Какая радость: знать – ты есть на свете,
Судьбы путеводительный маяк,
Для парусов любви – попутный ветер!

А как мне плохо было без тебя,
Когда ночами долгими, без края,
Кого-то в снах томительных любя,
Я забывался о небесном рае.

А рай не в небесах, а на земле.
И я светлее ничего не знаю
Того, что ты дана навеки мне –
Любимая, желанная, родная.

Жене

Когда ты рядом, я не сирота —
Пока ещё своим дыханьем теплишь,
Пока желанья не покрылись пеплом
И не приелось век свой коротать.

Конечно, время заберёт своё —
Конечна в мире всякая дорога.
Но верю я: ты вымолишь у Бога,
Чтобы и Там оставил нас вдвоём.

На свете тьма прелестниц есть
(шутка)

На свете тьма прелестниц есть,
Но разве же не муж жене я,
Чтоб наконец не произнестъ:
Жена нежнее и нужнее!

Вот и проклюнулись клейкие почки –
Липнут, как дети, ко всякой ладошке!
Глядя на робкие эти листочки,
Я не нарадуюсь сыну и дочке.

Айгель

Мне кажется, что ты и не была
Со мною рядом, с матерью, с братишкой.
И прошлое как будто добела
Очистилось... И ничего нет тише
Той тишины, что стала без тебя, –
Всё стало, как до Сотворенья, чисто...
Лишь сердце оглушительно стучится,
Тебя всего печальнее любя.

Амилю

Уйдешь и ты из-под родимой кровли –
И с матерью осиротеем мы...
И будет путь твой и прямым, и ровным –
Когда ты будешь ровным и прямым.

И радость, и печаль свои минуй ты,
И не сходи с дороги той прямой –
И с каждой прожитой тобой минутой
Ты приобщишься к вечности самой.

Тимуру

Быть великодушным, как вино,
Далеко не каждому дано.
Потому раздаривай по праву
Доброту налево и направо.

Жизнь лишь тем светла и хороша,
Что в душе нуждается душа!..
Как бы было тягостно и хмуро,
Если б не было у нас Тимура.

Как это упоительно: мы – любим,
И нам дано со звёздами дружить,
И мы – подумать это только! – люди,
И на Земле такая радость – ЖИТЬ!

Какое счастье: детские улыбки
На лицах, словно солнышко, лучат.
Да и само оно в небесной зыбке –
Вовек неугасимая Свеча!

И будет это долго-долго длиться –
И будут повторяться вновь и вновь
И детские светящиеся лица,
И солнышко, и звёзды, и любовь!

Весна

И вновь за окном – весна!
И будто бы мир просторней,
И, как малыши со сна,
В земле копошатся корни;
И чувствуешь, как душа
Встаёт после зимней спячки –
И как она хороша,
И только бы не запачкать!..

В.В. Бианки

И сказка стала правдой:
Вот и конец зиме –
И радость на земле,
И сердце жизни радо!

И птицы прилетели,
И небо высоко,
И всё короче тени –
И так легко, легко!

Нынче день такой погожий,
Что печалиться негоже.
Так тепло, как будто сам
Воспаряешь к небесам.

Так и жить бы – вольной птицей:
Ей живется – не грустится,
С миром целым сообща
И на Бога не ропща.

* * *

Как рукоплещут голуби любви!
Такое в небе голубекруженье,
Что ты и сам становишься нежнее
Под этим небом, нежно-голубым!

Голубь

Роберту Винонену

Вы слышали, как воркует голубь?
Глубоко, особенно в тиши,
Будто выражая поневоле
Глубину неведомой души.

Не случайно имя этой птицы
Голубой небесной глубины:
Стоит ей на землю опуститься –
Станут зовы вечности слышны.

Завидуя голубям

Завидуя простоте
Безмебельных голубятен,
Как хочется улететь
И душу нести без пятен.

И думаешь про себя,
Что можно ещё родиться,
Завидуя голубям,
Недаром же божьим птицам...

Мир – громада, и никто не лишен в нём,
Но, конечно же, всему-то есть пределы.
И тревожиться нам надо лишь о том,
Как за Вечность зацепиться добрым делом.

Эх и жить-то хорошо, ребята:
Как планета, знай себе – кружись!
Мы мирами столькими объаты,
Что не счесть смертей длиною в жизнь...

Благая весть

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем,
Не унимаясь, тянется во двор,
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

На заре

Когда и петух не поёт на дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать по весенней заре
У маковой речки прогулки.

Шуршат под ногами песок и голыш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь – и вроде бы длишь
Себя на какое-то время...

Заря

Сестре Зарине

Там, где ели с соснами
И берёзы – в ряд,
Завивала волосы
Девушка-заря.

И блистало жёлтое
Солнце по росе
Золотой заколкою
В девичьей косе.

Настёне

Озёрно-озорные глазки
У девочки сладё-Настёны,
И ручки – крохотные ласки –
В норе моих ладоней тёмной.
И чувствую, как копошатся, –
Полнее не бывает счастья!

Если имя – это знак судьбы,
Что муллой тебе в ушко поведано,
То тебе весёлой надо быть,
Несмотря ни на какие беды,

Радостной, задорной, озорной,
Хохотушкой звонкой по-девчоночьи,
У которой – только у одной! –
Ветерок поигрывает чёлкой.

Миру время самое цвести,
Полниться соцветиями ладными!..
Вот расцвёл и васильковый стих
От твоей улыбки ненаглядной.

Васильки

В небе только проклюнулось солнышко,
А на поле уже васильки
Светом синим округу наполнили,
Излучая, как с доброй руки,
Лето нежное, боговолимое, –
Я люблю их за это, как милую...

Липовало лето по озёрам
Или просто ветер ликовал,
В день, когда разбрасывала зёрна
До корней засохшая трава.

До корней, до вековых извилин
Плесневели листья лопуха,
Будто кто-то берега намылив,
Не отмыв, оставил засыхать.

И среди травы заплесневелой,
В самой гуще приозерных трав,
Мы лежали, белые на белом,
Прямо к солнцу головы задрав.

Казалось: что нам мирозданье!..
И, по-ребячески галдя,
Мы всё же к дому опоздали,
Не схоронились от дождя.

А он, разламывая ветки
Деревьев, вдоль и поперёк
Кривыми линиями метил
По пыльным прописям дорог,

Где червяки, как запятые,
На основании всего
Явили истины простые
В неразберихе дождевой.

За изгородью вяза
Без суетных хлопот
Кузнечик долговязый
Мелодии прядёт.

На холмике покато
Волнуется трава –
Паук, старик пузатый,
Сплетает кружева.

И пусть себе сплетает,
И всё ветвится вяз,
И песни сочиняет
Кузнечик-долговяз!

Анапа

Айгель

Сбылась мечта моя –
И как же так случилось:
На берегу – маяк,
И море – Божья милость?!

И солнце день-деньской,
И море волны катит,
И цыкают цикады
На этот шум морской.

И так мне близок он,
И ничего нет ближе!..
И ветер волны лижет
Солёным языком.

К Анапе (жене)

Неужто мы не заслужили
Жить в этом солнечном раю?!
Жил не жалея, жили-были
Всю жизнь у жизни на краю.

Но разве может быть убогой
Жизнь, непреложная насплошь?
И неужели жалость Бога –
Всего лишь лажа, блажь и ложь?

Мы с тобою как-то зимне,
Очень холодно живём.
Злыми взглядами грозишь мне –
Так и съела бы живьём.

Остаётся околеть мне,
Если только не сбегу
К морю, где тепло и летне
На анапском берегу.

Амилю (Увези меня в Анапу...)

...А когда я грянусь на пол,
Навсегда лишившись ног, —
Увези меня в Анапу,
На море, да на шезлонг.

Посади навстречу ветру,
Где волна волны шумней, —
Чтобы этой круговертью
Окрылило душу мне...

Как не хватает одиночеств!
Живешь себе, не зная горя...
А тут проснуться б среди ночи –
И убежать на берег моря.

И встретиться с солёным ветром,
С ним потрепаться на просторе
О том, как весело на свете,
Что жить и волноваться стоит.

И море нам волнами вторит.
И так светло оно, и мудро!
И тут нас, одиноких, трое –
В такое трепетное утро.

...А на море и мысли чисты,
И совсем не привязан ко Времени –
Потому я к нему и частил,
Что могло лишь оно обогреть меня...

О море

Ты тему моря взял...
Николай Рубцов

Знаю я, что в том краю не будет
Этих волн, искрящихся под солнцем, —
Потому и дороги мне люди,
Что и это тоже пронесется.

И какую ты ни взял бы тему —
Всякая под солнцем испарится...
И при этой мрачности бытейной
Хорошо, когда волна искрится.

А в Крыму

...А в Крыму и небо выше,
И в полуночной глуши
Море всем прибоем дышит
И катает гольши.

Только как оно ни бейся,
Жизнь – одна, конец – один.
Но под крымским поднебесьем
Верится: непобедим

Ты не то что бы судьбою,
Но и вечностью самой,
Что томит ночным прибоем,
Тем увенчивая мой
День...

А море дышит, дышит
И катает гольши...

А в Крыму и небо выше,
И крымчанки хороши!

Сколько ни живи – всё мало!
Как бы ни была длинна,
Жизнь – у птицы ли, сома ли –
Одинаково одна.

Хоть какие знай глубины,
Хоть в каких верхах кружись,
Будь хоть как судьбой любимый –
Всё равно конечна жизнь.

Мысль банальная, конечно,
И не стоит ни гроша
Перед тем, что жизнь конечная
Бесконечно хороша!..

А у мамы муравейник на могиле.
Как всё справно-то у этих мурашат!
Хоть и малые они, но что есть силы
Всё-то трудятся и очень жить спешат.

Челны

Челны раскинулись огнями –
И сердце так забило в грудь!
И не поймёшь, что перед нами:
Плотина или Млечный путь.

Как не поймёшь, куда уводят
Нас вековечные пути...
И всё глядишь на эти воды,
К которым хочется сойти.

Сойду – и буду счастья полный
От вод, мятущихся у ног.
...И чей-то на реке челнок
Вдали одолевает волны.

г. Набережные Челны

Вот и лес обнажился,
и снова поля опустели –
Так и было до нас,
так и будет – века и века.
Наши дни на земле
не длиннее полуденной тени...
Отчего ж дольше вдоха и выдоха
длится строка?..

...Он пришёл ко мне во сне –
И ко звёздам вывел за руку,
И в осенней тишине
Одарил меня подарком:

Целым ворохом стихов
И созвездьями созвучий –
Чтобы стало мне легко
И от осени – не мучиться...

Я постараюсь умереть смирно,
Не нарушая тишины утра.
А ты останься, как всегда, мудрой –
И отпусти меня тогда с миром.

Поодионочествуй со мной рядом
И не печалься по мою небыль:
Тому не больно, кто идёт в небо, –
Душа тоске о неземном рада.

Умирая,
Накажу тебе
Светлым быть, как солнечные блики,
Никого,
Чтобы не множить бед,
Не обидеть и на вес пылинки.

Помяни, что та же высота
И тебя когда-нибудь окликнет...
Неспроста же
На снегу черта,
На котором даже ни былинки...

Наказ

О бренном не печалься
И к Богу путь прями.
А на последнем часе
Смиренно смерть прими.

...Хотелось бы, чтобы расхожей ложью
Потомки не пятнали бы меня.
Поэтов судьбы с феврялями схожи:
Короткий месяц, но весне родня!..

День как добро:
Чем больше, тем светлее.
И ночи тоже землю серебрят.
Подставь ведро
Под звёзды Водолея,
Ведь звёздами поэты говорят!

Поэтам

Так предначертано поэтам,
Как доля избранная, лучшая:
По кораническим заветам –
За нами следуют заблудшие.

Вот так вот:
Поэтам не спится.
Поэты ведь —
То же, что птицы:

Им только бы
Грезить о небе
И — строки
На радость-потребу

Души окаянной
И — лёгкой,
Что вдруг — покаянною —
В лодке —

Начнёт уплывать — туда,
Где небо — туманится снами
И манит далёкими звёздами,

Где рады поэту всегда,
Которому доля земная —
Ничто перед этими грёзами.

Ты – женщина, а я поэт,
И как тут не позволить шалость
Такой лирический сюжет
Принять за искреннюю жалость.

Меж нами ничего и нет.
Но ты же знаешь: я – мятежный.
Ты женщина, а я – поэт.
И дай-то Бог меж нами нежность!

Стихи должны быть чуть навеселе,
Среди всего – хотя бы малость самую,
Чтобы и мы, печальная краса моя,
Куражились от них...

А если нет –

Тогда зачем они и этот мир,
В котором мы живём и вечно маемся?
Когда не будет нам и этой малости,
Согреемся ль ещё чьим светом мы?..

Поэта к сердцу подпусти –
И сразу же задышит стих!
А без души душа тиха –
Нет силы и на полстиха.

Как всё-таки больно,
Что счастье окольной
Петляет тропой...
А нет бы – прямой
Неслась магистралью –
Вот мы бы играли
С самою судьбой!..

И сами собой
Тогда бы мы были –
Страдали, любили –
Со страшной тоской!
Как было бы вольно!..
Катили б, как волны,
Строка за строкой...

Эта мысль – как порез ножевой:
То, что треснуто, новым не станет,
Будь оно из алмаза, из стали,
Будь оно хоть из плоти живой.

А на деле...

1. Если бабочки летают –
Значит, лето не прошло.
Это я к тому, что тают
Дни, а бабочки крылом
Всё-то машут, машут, машут –
Не намашутся никак...

А на деле: просит каши
Мой башмак.

2. Всё пройдёт, и мы пройдем –
По тропинкам, тротуарам,
В одиночку и по парам –
И покинем милый дом
Под названием Земля,
Что ни попадя меля...

А на деле: даже тля –
Существо чего-то для!

Столько в мире слов и злых, и скользких,
Что не веришь никаким словам.
Дорогой товарищ Маяковский,
Как же я соскучился по Вам!

А что написал бы Есенин

А что написал бы Есенин,
Когда бы ему 50?
Наверное, вышел бы в сени,
Потом бы направился в сад,
Прилёг бы под яблоней белой,
Под голову сунул травы
И в полном согласии с небом
Сказал бы: «А шли бы все вы...»

А впрочем, про то говорится
Порой, когда только под 30.

...И на чем ни задержится глаз –
Повсеместное явлено чудо,
Что при жизни – мы здесь и сейчас,
А по смерти – всегда и повсюду...

Читая Роберта Миннуллина

*...Вот стихи – лишь о пташке крошечной,
Получается, что о вечном...
...И всё строки-то – про хорошее...
...И всё слово-то – человечье...*

1. Соловьи

Народному поэту Мустаю Кариму

Настало время гнёзда вить –
Пора любви настала!
И вот уже – «тук-тук-фюить»
Вслед за водицей талой.

На иве ли, на тополях –
Кому какая доля!
Была бы солнечной земля,
Чтобы душе – раздолье!

И среди прочих – соловьи
Выводят лад за ладом
О самом главном – о любви! –
Весенние рулады.

Чем меньше слышим соловьёв,
Тем больше в них потреба!

У них ни музыки, ни слов,
А только зовы неба.

Тут запоешь – лишь сердце тронь! –
Ещё не те колена!
И птичка-то – всего с ладонь,
А песня – о нетленном.

Об иве ли, о тополях –
Кому какая доля!
Была бы солнечной земля,
Чтобы душе – раздолье!

2. Соловьи только рождаются...

Ах, весна! журчание ручьёв
Полнит сердце счастьем полноводным
И – тоской.
Ах, это соловьёв
Пенье наводнило мир сегодня!

День рожденья этих славных птиц,
Оттого и радостно, и грустно –
То тоска не ведает границ,
Полнит сердце половодьем чувства!

Соловьи рождаются весной,
Песни их рождаются с ручьями.

Но и летом соловьи со мной,
Осенью, и зимними ночами.

Стоит только отворить тетрадь
Со стихами – сразу трель раздастся!
Разве могут песни умирать?!
Соловьями можно лишь родиться!..

3. Тоска по соловью

Как не хватает соловьёв
Мне в пору грусти и печали!
Вернуть бы первую любовь
И чтобы птицы не молчали.

Я не заметил бы, как сам
Взлетаю птицей в край небесный
И наполняю небеса
Своею соловьиной песней.

Без соловьёв ты глух и тих
И с каждым годом безответней,
Как будто и не видел их,
А стало быть, не жил на свете.

Но, впрочем, что на них смотреть,
Когда довольно и послушать,
А там – и не умолкнуть впредь,

В тоске вызвучивая душу.

В ночи, во мгле её чернил,
Опять старается, ретивый, –
И вновь я песню сочинил
На соловьиные мотивы.

4. Прошла соловьиная пора...

Не спи, не спи, художник...
Борис Пастернак

«Не спи, не спи...»
Но что обяжет
Не спать до самого утра:
Уже на озере Лебяжьем
Бессоловьиная пора.

Тихи закаты и рассветы.
И слышен лишь один мотив:
Листвою окрылился ветер,
Лебяжье озеро мутит.

И гонит за волнами волны,
И на душу наводит муть.
Без соловьёв деревья голы
И равнодушны ко всему.

Без соловьёв они безмолвны,
Как бы лишились языка —
И потому такие волны,
И равнодушие, и тоска.

Но дерево любое хочет
О жизни многое сказать...
То не росинка на листочке,
А соловьиная слеза.

5. На Лебяжьем озере декабрь...

На Лебяжьем озере декабрь.
Бьёт крылами белая метель.
И берёзы, дать им крылья кабы,
То могла бы каждая взлететь.

Но грустит берёзовая стая,
И метель мани их, не мани,
А берёзам явно не хватает
Крыльев слов: «Родимые мои!...»

Не хватает тёплых слов Туфана*.
Он сестрой бы каждую нарёк —
И берёзы с лебединым станом
На крылах его летели б строк.

* Хасан Туфан — татарский поэт

Но поэта нет – и нет полёта.
И напрасно белая метель
По берёзам крыльями колотит –
Ни одной уже не полететь.

Ни одна уже не станет птицей...
И весной, когда сойдут снега,
Будет сок берёзовый сочиться –
Слёзы по тебе, Хасан-ага...

6. Монолог пули, убившей Лорку

Пусть на меня проклятие падёт
За мою силу, от которой стонет
Земля и юный Лорка не споёт –
И алой розой вновь не зацветёт
Заря на андалузском небосклоне.

Лишь только одинокий луч блеснёт,
Как облачной затянет поволокой...
Пусть на меня проклятие падёт
За мою немощь –
Я убила Лорку!

Я – чёрная печаль, я на земле
Свинец свинцом –
А сколько тьмы бездонной!
Но как же так: не выстрелиться мне,

Для смерти человечеством рождённой?!

Пусть на меня проклятия падут
Убитых!

Сколько нерождённых песен!..
Без них не знают радость и беду
И страшен мир и так для сердца тесен!

Я в мире этом быть обречена
Самой собой – и в назначенье горьком,
Быть может, скажут, не моя вина.
Но что с того:
Ведь я убила Лорку!

7. Солнце

...И солнце осенью стареет:
Едва прореживая тьму,
Оно уже почти не греет,
Не нужно стало никому.

Не важно никому, взойшло ли,
Торит ли светлые пути.
И вот – живём как поневоле,
И что ни день – то ночь почти.

И так – тревожимая снами,
Без солнца старится душа...

Не важно: осень ли, весна ли,
Зима ли, лето ли — дышать

Дано нам только под светилом
И видеть сны о небылом.
Нет, это не оно остыло,
Остыли мы — и поделом

Нам тьма тоски и мгла печали...
Нет, виновато не оно,
Что мы его не замечаем
И так тревожно и темно...

8. Последняя листва

Пора переселенья душ
Творится будто бы на свете!
По осени, от первых стуж,
Листою окрылился ветер.

Но с опереньем золотым
Ему кружить совсем немного:
Сгорят осенние листья,
Падут на землю одиноко.

И в том не осени вина —
Она сама-то мимолётна.
Что жизнь утратами полна,

Печалиться из года в год нам.

Но как не верить чудесам:
Едва успеет опуститься,
Листва грустит по небесам,
Подобно перелётным птицам.

И быть однажды перестав
Листвой, собьётся в птичью стаю –
И ни единого листа
Ни в мире, ни в душе не станет.

Но, впрочем, и душа сама
Когда-то обернётся птицей...
А там, за осенью, зима
В окно крылами постучится.

9. Осень

Длиннее ночи, дни короче –
Всё ближе к осени дела.
И вот ни дня уже, ни ночи –
Сплошная мгла.

И день, и ночь – сплошные тени,
И всё длиннее и длинней.
А что же мы ещё хотели –
Пора теней!

И звёзды гроздьями поспели
И чаще падают они.
У речки Сюнь, родной купели,
Грустит тальник.

И убывает птичье пенье —
И всё печальнее душа.
Деревья тают постепенно,
Листвой шурша.

Меняются деревья в цвете:
На их тысячелистье лиц
Застыла грусть-тоска по лету,
По пенью птиц.

Но мы почти не замечаем,
Как лист уходит за листом,
И только по своей печали
Поймём о том

И, сколько песен мы ни просим, —
По опустелости немой!
Уж лето обернулось в осень,
А та — зимой.

10. На Агидели

По Агидели белый пароход
Плывёт к огням давно родной Казани.
Я там живу уже который год –
Мне без неё не жизнь, а наказание.

Но вот сейчас стою на берегу,
И сердце чем-то теплится хорошим.
За пароходом мыслями бегу,
Душой бездонной пребывая в прошлом.

У нас извечно, видимо, в крови:
Не оторваться от родного плена.
Меня дурманит – то ли от любви,
От запахов ли сохнувшего сена.

А рядом ивы радостью полны,
Что я остался здесь хотя бы на день.
Они от счастья, как и я, пьяны!
Счастливые: им никуда не надо.

Как чайка по реке черкнёт крылом,
Так и печаль меня едва коснётся.
Но всё же – всюду до того светло,
Как будто в мире два сияют солнца.

Одно румянит неба синеву,
Другое блещет на души затоне.
И родин две, и завтра уплыву
От изначальной к новообретённой...

По Агидели белый пароход
Плывёт неспешно к берегам столицы.
И жизнь моя, как Агидель, течёт,
Волнами встреч и расставаний длится.

11. На Хан-горе

*На берегу реки Сюнь есть гора.
В народе её называют Хан-горой.*

В родном краю, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля –
Что может лучше сердце обогреть!

Поля, озёра, травы и цветы
И речка Сюнь – родимая купель –
Как на ладони с горней высоты,
К которой с детства сердцем прикипел.

Здесь хан когда-то всем повелевал,
В сражениях его звенели дни.

И, как от ветра клонится трава,
Так подданные падали пред ним...

И я томлюсь загадкой: этот хан
Когда, и где, и от чего почил:
Сломал недуг, от боевых ли ран? —
О том лишь звёзды ведают в ночи.

Наверное, и похоронен тут —
Ведь неспроста так названа гора! —
Здесь тело хана обрело приют,
Когда душа доверилась ветрам...

Отсюда зримей:
Как там ни кружись,
Но есть конец и ханским временам —
И это — жизнь, на то она и жизнь!

И хорошо, когда даётся нам
В краю желанном обрести покой —
За всё, кем был и не был на земле.
А после — в светлой памяти людской
Дано бы было время одолеть...

В родном краю, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля —
Что может лучше сердце обогреть!..

12. Ода золоту

Совсем не поэтичные дела –
Осанну петь кому-нибудь в угоду,
Но если речь о золоте зашла,
Сегодня я ему слагаю оду.

Предмет, конечно, малость мелковат
Для гимнов и высоких песнопений,
Но золото относится к словам,
Имеющим по несколько значений.

Пусть первое значение не в счёт:
Поэту ли металлом восторгаться!
Но в золоте содержатся ещё
И нематериальные богатства.

И славлю я то золото земли,
Что светится значением высоким,
Которое ничто не умалит
Под небом голубым, золотооким,

Как не иссякнет золото хлебов,
Вращённое руками золотыми,
И матерей великая любовь –
Золотосердая – мы живы ими!

Пою я золотые имена,
Написанные золотом по камню, —
Пусть ими вечно славится страна
И золотыми множится веками,

Пусть будут оды петься без конца
О хлеборобах, матерях, солдатах!
...На среднем пальце золото кольца,
Завещанное мне отцом когда-то,

Ношу
И постараюсь уберечь
Для сына —
Значит, ода и об этом
Металле,
Если — о высоком речь
И если ты родился быть поэтом.

О лирике Рамиля Сарчина

АЛЕКСАНДР РАССАДИН

У России – осенний характер...

(о книге «Стихотворения»)

Редкое, давно не испытываемое чувство – будучи уверенным, что всё самое главное в поэзии тебе знакомо, не единожды перечитано, – почти случайно открыть для себя строки, которых, оказывается, тебе не доставало. Для меня книга лирики Рамиля Сарчина стала одним из самых волнующих духовных обретений последних лет. У автора, на мой взгляд, есть главное, что отличает поэта от простого «смертного» стихотворца. Это умение извлечь звуки, скрытые, по определению Томаса Элиота, в «общей речи времени». Это поразительная органичность в выборе точных предметных деталей, контекстуально преобразуемых в нечто большее, чем они есть на самом деле: «обойные ромашки отцвели», «дорог прогнившая солома», гудящий колодезный мотор... Это и подкупающая искренность, неподдельный драматизм лирического самовыражения, стоическое желание быть собой, а не другим, в таких, например, произведениях

сборника, как «Маргинал», «Татарское», «Март»... Было бы слишком просто объединить эти стихи необычайно популярной в двадцатом веке темой диалога культур, темой «тюрко-славянского» синтеза... Тогда о чём они? Может быть, о том, что и в момент своего очередного страшного разлома (последнего ли?) Россия не перестаёт быть загадкой, куда-то несясь, не даёт ответа, что жить в ней не только великое счастье, но и всегда суровое время, нелёгкое испытание...

Ульяновск, 1998

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ
О книге «Возвращение»

...Это своеобразное и постоянное возвращение к теме «родные корни». Дом лирического героя, чьё окно по-особому открыто в мир, навсегда остаётся в памяти: «Горит окно с кривою крестовиной, / Со светлым косоглази-ем окно». Это окно горит и освещает нам путь не только в будущее, но и возвращение к прошлому, где до щемящего чувства многое дорого поэту. Казалось бы, очень трудно найти определение Родины, чтобы обойтись без банальностей. А Рамиль Сарчин нашёл. Выразил ощущение родины, прибегнув к очень простому и всем понятному образу:

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиной моей.

Многое утрачено с потерей родного человека, но непогашенный свет в окне горит. И это — символ будущего. Я не даром остановилась на разговоре о светящемся окне. Оно олицетворяет свечение трёх времен; это свечение ощущается во всей поэтической книге Рамиля Сарчина...

Хайфа (Израиль), 2009

ЭДУАРД УЧАРОВ

По мотивам книги стихов «Возвращение»

Глубока взятая лирическая нота клеверного разнотравья корневых мест Рамиля Сарчина. Режущая пальцы осока, загадочная луговая ромашка, сколотые солнца зверобоя, белые салюты тысячелистника, духмяная земляника и дикая малина, запылившийся подорожник и рванный лопух на дне лога, горячая крапива у покосившейся изгороди – весь этот гербарий детства, хранимый в душе поэта на протяжении долгого и извилистого пути стихотворных выдыханий – непременно возвращает в магическое детство пишущего и подпитывает его сердце кровью глубинных истоков родной деревни. Волшебство наступившего вечера трансформирует соцветья в созвездья. Тысячи вспыхнувших огоньков возвращают читателя на небесную землю, где предки шагали по Млечному Пути к лечебным звёздам, растущим на окрестных лугах:

...Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

А утром распахивается окно света. Лучи, низвергающиеся на землю пламенным двигателем нашего мира, безошибочно отыскивают купол мечети, бегут узкими кинжальными полосами от серебряного полумесяца в открытые двери к выцветшему молельному коврику на полу храма и согревают незатейливую древесность молитвенного тела. Озарённый купол, сверкающий далеко за село – словно маяк для потерпевших кораблекрушение сосен из ближайшего леса, которые из последних сил гребут колючими ветвями на вспыхнувший отблеск. А ещё купол – последнее прибежище, остров обетованный для уставших плыть по воздуху птиц. Они – духи святые, божьи сизые проповедники, символизирующие мир и благочестие – обмахивают конус добрыми крылами, подхватывают молитвы верующих и уносят их на небо к Богу:

Село моё – окраина и скука...
И на проулки, бедные людьми,
Горит мечети озарённый купол
И голубями сизыми дымит...

Ранее, в детстве, также обмахивала перстами, шепча надо мной молитвы, бабушка Елена Георгиевна. Над моей кроватью в углу находился

киот, и она каждое утро (почему-то помнятся только глубоко тёмные зимние рани) вставала передо мной и начинала бормотания с придыханиями. Я часто с испугом просыпался в эти мгновения и лежал не дыша, боясь обнаружить своё бодрствование. Я вслушивался в бабушкин шёпот, в шорох массивной крепдешиновой юбки и представлял себе дедушку Бога, подплывающего ко мне на облаке и принимающегося исполнять все мои желания. Это был седовласый, с морщинами на лбу, волшебный Бог. А бабушка, мама моей мамы, казалось мне, наоборот – не спускающейся с небес, а прорастающей из земли и вобравшей в себя всю мудрость, строгость и справедливость вятских предков. Даваника, мама моего папы, научившая меня в свои далеко за семьдесят болеть за советскую хоккейную сборную и наших фигуристов, выполняющая все капризы распоясавшегося внука, балующая его шоколадными конфетами «Нива» с вафельной крошкой и домашними мясными кыстыбьями из прозрачного теста – была полной противоположностью Елены Георгиевны. Казанская даваника Гульшат Хазеевна любила меня со всей восточной пылкостью, на которую была способна, и олицетворяла собой другой полюс родного дома, более южного, тёплого, объят-

ного... Когда их обеих не стало – не стало и частицы меня, частички моего пространства и любви. Ощущалось это пронзительно, навывлет, именно так, как звучат мощнейшие по силе своего воздействия строки:

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

Такое мог написать только большой поэт. Тонкая печаль и тихая грусть, хрупкий лиризм и психологизм изложения сюжетной линии, минимализм в средствах передачи общего настроения стихотворного полотна, пастернаковская «неслыханная простота» синтаксиса и тропов, традиции Рубцова и Есенина – всё это вкуче позволяет говорить о вполне индивидуальной манере и самостоятельной поэтике Рамиля Сарчина, вобравшей в себя два языковых национальных пласта: татарский лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска по родине,

отчему краю) – одну из наиболее разработанных тем в татарской поэзии, и традиционную школу русской «деревенской» поэзии и прозы с проработкой, например, есенинского «имажинизма» – скупых, но очень точных и запоминающихся образов. Вообще, давно известно, что мультикультурность проникающего в поэта пространства невероятно стимулирует творческий процесс и даёт поразительные результаты. Наложение архетипических метафор различных культурных кодов на единый текст производит глубинный взаимодополняющий лирический эффект. Например, образ берёзы в татарском фольклоре – традиционно печален. Это дерево считается кладбищенским, а слово созвучно горю. В русской же литературе берёза – нечто девственное, светлое, нежное. Соединение этих национальных кодов в едином символе Родины оказывает на подготовленного читателя сильнейшее эмоционально психологическое потрясение на уровне «обморока чувств»:

...В каждой берёзе – Русь,
Словно благая весть:
Ветки стремятся ввысь,
Корни – с землёй срослись...

Надо также сказать и о том, что поэтическое звучание особым образом ретранслирует и усиливает значение каждого слова в стихе, а рифмы – если мы говорим о силлаботонике – очень действенный «тэг» для подсознания. Слова-окончания – ключевые, ударные созвучия – своеобразные поэтические гвозди, вбивающиеся глубоко в горбыль души и способные оказывать на протяжении длительного времени определённое мотивационно-психологическое влияние на интеллектуальную и духовную деятельность личности. Звукотпись души, записанная поэтом не нотным, но азбучным способом, представляет собой «бомбу замедленного действия». Поэтический импульс, посыл стихотворения может никак и не проявить себя вначале, но работа души воспринимающего смыслы и музыку произведения рано или поздно явит результат. Нужно быть к этому готовым. Поэт же в этом случае сам себя как звуковой импульс и являет. Самосознание этого факта – признак высокого мастерства:

...В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Возвращаясь к мультикультурности татарстанского пространства в общем и Казани, где бесконфликтно сосуществуют восточные и европейские культурные традиции в частности, — необходимо отметить, что именно художник, творческая натура, эта сверхчувствительная антенна, ловящая волны этнических коллективно бессознательных импульсов и декодирующая их в наднациональное общепонятное для всех художественное произведение, поэт, мастер слова — особенно чуток и ответственен в выборе своего лексикона. Наш случай подтверждает и то, что только взгляд со стороны на другой этнос надёжен и крайне ёмок:

...Дорога узкая,
А всюду — ширь!
Таков у русского
Замер души.

Ещё одна надмирная и, в общем-то, понятная и принимаемая любым читателем общечеловеческая метафора горящего окна отчего дома — своеобразное возвращение лирического героя к родным пенатам (собственно, эта центральная тема и послужила для заглавия всей книги автора), избывание накопившейся тоски по из-

начальному краю, прошедшему детству и юности, любовь к своим близким и вера в светлое настоящее, в место силы, возвращаясь в которое регенерируешь и физически, и творчески, и духовно. И, что самое важное, казалось бы, образ окна уже многократно использован и заштампирован, но стоит только добавить пару индивидуальных штрихов – «кривая крестовина», «светлое косоглазие» – и из избитого образ превращается в запоминающийся и, главное, достоверный и исповедальный авторский посыл:

...В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно.

Небо, ночь, звёзды... Вспыхнувшие соцветья-созвездья трансформируются в звёзды-слова настоящих Творцов, божьих людей, воплощений святого духа, голубей обетованных, машущих читателям крылами добра и света – тех категорий, которые созвучны постулатам классического русского «тихого лиризма». Эти эстетические метки-флажки поэта Рамиля Сарчина понятны и вполне разделяемы: светлая грусть, высокая печаль, антагонизм добра и

зла, апелляция к нравственным императивам и общекультурным ценностям. А над всем этим – покой и воля, вещее слово настоящего поэта, возвращающее нас «в обитель дальнюю трудов и чистых нег» и утверждающее, что счастье всё-таки существует. Счастье поэтического говорения. Говорения сиятельными звёздами:

День как добро:
Чем больше, тем светлее.
И ночи тоже землю серебрят.
Подставь ведро
Под звёзды Водолея,
Ведь звёздами поэты говорят!

Казань, 2016

РОБЕРТ ВИНОНЕН

...И ты всё шагаешь...

(о книге «Цветоповал»)

Стихи Рамиля Сарчина на первый взгляд довольно безыскусны, не претендуют на какие-то глобальные осмысления чего-либо.

Ах, как берёза пахнет стариною!
А в пору зимних и тревожных дней
Она всегда белеет надо мною
Как светлый образ родины моей.

Не отводя глаз от этого образа, поэт в другом стихотворении ещё уточняет, углубляет его:

Дрожат берёзовые ветви,
Как руки матери моей...

От бедности ли такая привязанность к немногому вокруг себя? Нет, пытливый художник суете поисков новых и новых объектов предпочитает по-новому раскрывать обыденное и привычное. Достоинство такой простоты в конкретности, наглядности того, о чём речь. Про что рассказано, то и показано. Такая поэзия освобождает от умозрительности, зато чревата сложностью внутренней: показана бе-

рѣза, а сказано о матери, о родине. Не случайным кажется и написание этого святого слова – родина – с маленькой буквы. Заглавная буква несколько изменила бы интонацию, добавила сюда пафоса – ненужного, то бишь поэту несвойственного.

По многим стихотворениям книги чувствуется стремление поэта не только отразить мир, но и как бы вместить его в себя. Состояние души, родственное тютчевскому мироощущению: всё во мне и я во всём. Оно даже, осмелюсь при всём риске сравнения с классиком сказать, выражено у нашего современника не столь декларативно:

В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Мелочи жизни под пером Р. Сарчина находят поэтическое преображение в силу того, что он воспринимает, говоря его же словами, весь «быт как отблеск бытия». Поэтому, например, обыкновенный снег ему видится «посмертной маскою лета», а осенний листок не просто прилип к оконному стеклу, но распят на нём. За благополучием внешних покровов поэт

должен чують нечто драматичное и трудно выразимое – тот самый отблеск бытия. Лишь ради него и стоит писать стихи.

Жизнь отвела поэту Рамилю Сарчину место меж двух национальных культур – и сам он это хорошо чувствует. Выбрав для творчества русский язык, не забывает о своих татарских корнях. И говорит об этом с большим тактом:

В селе моём
Над золотом осенним
Мечеть белеет, тишину храня,
И православным летоисчисленьем
Издалека приветствует меня.

Для человека талантливого такая позиция всегда благотворна. Вся история русской литературы тому свидетель, если оглядеть даже самые высокие вершины её. Скажем, Державин, происходивший из знатного рода мурзы Баг-рима. «Его гений мыслил по-татарски», – сказал о поэте Пушкин, потомок эфиопских князей. И один из потомков шотландского офицера Георга Лермонта недаром заявлял о русскости – он, дескать, не Байрон, а другой «ещё неведомый избранник».

Русское и татарское у Р. Сарчина всегда рядом:

Мусульмане выковали месяц,
Христиане сколотили крест.

И всё же не этим двуединством определяется главное в поэзии нашего автора. Главное, помоему, – тот добрый взгляд, который различает общечеловеческие духовные ценности мира. В этом смысле Рамиль Сарчин следует – и по форме, и по содержанию – классической традиции русского стиха. Не потому ли, читая лучшие строки поэта, я припоминал завет Владимира Соколова: «Я должен видеть, что за пустяками». Когда человек внутренне сосредоточен, всё видимое и всё происходящее с ним становится поводом к такому обобщению, что и простая прогулка открывает поэту выход из обыденности:

Шуршат под ногами песок и голыш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь – и вроде бы длишь
Себя на какое-то время.

Как тонко уловлена и ненавязчиво подмечена связь времени и пространства! Вообще в этом поэте глубоко запрятан философ. Как знать, не

тут ли залог нового витка в развитии художника.

С моей возрастной колокольни Рамиль Сарчин – поэт молодой. На самом же деле он как раз на пике творческих возможностей. Однако здесь автора третьей книги застаёт самая сложная пора: идти дальше, не сходя с достигнутой высоты. Стало быть, остаётся пожелать поэту счастливого полёта!

Хельсинки (Финляндия), 2011

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

Созвездия цветут из темноты...

Рамиль Шавкетович Сарчин родился в сельской глубинке Ульяновской области, где началась и его литературная биография, продолжившаяся затем в Татарстане. В 2007 году вместе с семьей он переехал в Казань, рискуя насиженным в «губернском Симбирске» местом ради близости к родному языку, к культуре Татарстана, оставаясь при этом татарин, пишущим по-русски. Именно тогда мы с ним и познакомились. Вскоре Рамиль как-то очень естественно влился в состав редколлегии журнала «Аргамак. Татарстан», где были опубликованы первая подборка его собственных стихов и несколько аналитических статей о творчестве поэтов Татарстана, вошедших потом в книгу «Лики казанской поэзии». Для редакции русского журнала, издающегося в нашей республике, всё это оказалось более чем кстати. Десять лет для литературы – не ахти какой срок, но я вправе предположить, что именно в Казани биография поэта, критика, учёного Рамиля Сарчина стала перерастать в судьбу, в которой взаимодействие, сотворчество Русского мира и Татарского мира оказалось определяющим и благотворным. Если

сказать об этом с улыбкой, то «наш пострел многое успел». Судите сами: в свои сорок два года Рамиль Шавкетович выпустил шесть монографий, два сборника критических статей и четыре поэтические книги, стал составителем энциклопедии «Литературный Чистополь». Два года назад он успешно защитил учёную степень доктора филологических наук. Одним словом — РАБОТНИК, а не только одарённый свыше счастливец.

О его стихах надо говорить особо. Каждый стихотворец, участвующий в современном литературном процессе, волен выбирать не только стиль изложения, но и стиль творческого поведения. Меня радует, что Рамиль не отрывается от родной почвы, от волжских берегов, не бежит, «задрав штаны», за безбашенным нынешним «комсомолом», который устремлён только к самовыражению и самоутверждению, чего в Казани тоже хватает. Лирическая лодка Рамиля Сарчина уверенно держит курс в русле классической отечественной традиции, отличаясь при этом собственной выделкой. Стихи Сарчина лаконичны, оригинальны, удивительно просты, в то же время объёмны и многозначны:

Дом на краю села.

В нём не погашен свет
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

В восьми бесхитростных строчках сказано не только о доме, бабушке, её кончине, непогашенном свете, сороковинах, но и о себе, о своём понимании жизни и смерти, когда «род переходит в род». Для меня это и есть высший пилотаж, сравнимый с теми или иными восьмистишиями Лермонтова, Блока, Фета или Бунина. «Ясность – удовольствие ума», – сказал кто-то из великих. Ясность – свойство души, как бы добавляет своим стихотворением Рамиль Сарчин.

В другом восьмистишии (также привожу его целиком) каждая деталь зрима, ощутима, слышна и в то же время метафизически загадочна. Это и петух на деревенском дворе, и молчаливый гул (!) раннего утра, и «маковая» речка, и шуршащие под ногами «песок и гольш» – целое созвездие образов. А заканчива-

ется стихотворение мыслью, неожиданной, как прозрение.

Когда и петух не поёт во дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать по весенней заре
У маковой речки прогулки.

Шуршат под ногами песок и голыш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь и будто бы длишь
Себя на какое-то время...

Следующее стихотворение не случайно называется «Благая весть». Тоже привожу его целиком:

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем
Не унимаясь, тянется во двор.
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Чем отличается поэт от каждого из прочих «жителей земли»? Он слышит «музыку сфер»,

гул ритмически пульсирующей Вселенной, предсказанный раньше учёных предшественниками-поэтами, гениально запечатлённый Александром Блоком в статье «О назначении поэта». Вот и Рамилю Сарчину дано ощутить, как его личное время впадает в вечность («вроде бы лишь себя на какое-то время»), а пространство «вишнёвого переулка» впадает в бесконечность Млечного Пути.

Поэзия — не профессия. Это призвание. Это и Дар, и Крест.

Набережные Челны, 2018

АНДРЕЙ ЦУХЛОВ

Деревья, окрашенные в солнце...

(о книге «Малости»)

Перед нами пятая по счету книга стихов казанского автора Рамиля Сарчина. Доктора филологических наук, публициста, но прежде всего – поэта.

Нет такой профессии – поэт. Это – прежде всего мировосприятие через особую призму образов, это своя, пусть и неструктурированная философия, это «принятие всего близко к сердцу».

«Малости» Сарчина, словно пиксели на экране, словно отдельные узоры на огромном поэтическом полотне, заставляют читателя всматриваться в них, то приближаясь, то удаляясь. Это умение из одной детали воссоздать целый космос. Это умение подчеркнуть ценность казалось бы привычного и якобы несущественного. Пример? Да хоть это:

Словно похороны:

Друг за другом

Всё тянулись медленно на юг...

Это – о перелётных птицах. Вот он, нужный, основной штрих на осенней картине, чтобы

передать настроение, тоску увядания и прощания. Это очередная «малость», основа поэтической многомерности – с простором, со звуками, запахами, грустью и радостью, сочетанием сиюминутного и вечного, здешнего и потустороннего.

В стихах автора иногда проскальзывают есенинско-рубцовские мотивы. Но поэтическая традиция органично сочетается с индивидуальностью и собственным освоением образов:

Что успел уже позолотиться
от охапок солнечных лучей.

И ещё:

Снег посмертной маскою лета
На земле погребённой лежит.

Порой мы наслаждаемся примерами завораживающей звукописи, музыкой строк. Это посарчински.

Безгололье
Снег
След полозьев
Бег.

У Рамиля Сарчина вообще можно найти многое для «поэтических гурманов», избалованных стихотворными «деликатесами». Они не разочаруются. Это глубокие образы, осмысленная и подсознательная ассоциативность, восхитительные метафоры с двойным, а то и тройным дном, неизбитые рифмы.

Возьмем, к примеру, образ деревьев. Казалось бы, столько авторов «потоптались» на этом. Но Сарчин умудряется и здесь быть новым и интересным: «Деревья окрасились в солнце».

Но взыскательному читателю одной авторской мастеровитости мало. В своих стихах Рамиль Сарчин искренен, честен, не боится исповедальности перед теми, кто держит в руках его книгу. Такая поэзия требует тишины, бессуетности.

А еще стихи Рамиля Сарчина небольшие, немногословные. Кому-то они могут показаться несложными. Да, это не ребусы, не головоломки. Но здесь другая глубина – небесная. Может ли быть небо простым? Вот именно: это как посмотреть...

Сукровицей заката
Сочится край земли.

А как вам образ «оракушенный привычками»? Да за такое награждать надо. Минимум – читательским восхищением.

От подобного и много другого хочется сказать: «Ай, да Сарчин! Не такие уж это и "Малости"»!

Ульяновск, 2022

РЕНАТА ЮРЬЕВА
«МАЛОСТИ» РАМИЛЯ САРЧИНА

Какое невообразимое удовольствие – открыть томик стихотворений любимого автора! Снова окунуться в удивительный мир, в котором есть место и мне; который сопровождает на протяжении многих лет, как добрый и верный друг.

Но не менее волнительно открывать книгу и неизвестного мне автора. Словно стоишь у двери, собираясь войти в гости. Как встретят тебя? Найдешь ли уют, понимание и созвучие своему настроению, мыслям, эмоциям? Или придется сталкиваться с разочарованием и с чувством неопределенной вины закрыть эту случайную книгу.

Мне повезло. Я вошла в дверь – и попала в удивительный мир, созданный поэтом Рамилем Сарчиным, и нисколько не пожалела об этом. Более того, я испытала чудесное ощущение и желание снова возвратиться к его стихотворениям.

Сборник называется просто и многозначно – «Малости». Возможно, автор назвал книгу так из-за малой формы своих творений. Но мне показалось, что автор скрытно делает вызов вдумчивому читателю, пряча под «малостями»

форм глубинное и тонкое ощущение и видение мира. И я прониклась им.

Дорога узкая,
А всюду – ширь!
Таков у русского
Замер души.

Несколько слов – и вся правда о русском человеке и его уникальной душе, чутко отражающей раздолье нашей неповторимой страны.

Для обложки книги не случайно выбрана репродукция картины «Осень» Алексея Ланцова. Осень проходит в стихотворениях Рамиля Сарчина не просто как время года. Через неповторимые образы осенних дней поэт говорит о самом дорогом («Как руки матери моей...»), о смысле жизни («Потомки потом усомнятся: / А были ли, в сущности, мы?»), о душе («В предчувствии зимы / Сердце тоской объято»).

Стихи Рамиля Сарчина о любви – неприхотливы, не изобилуют художественными средствами, настроенными порадовать изысканный вкус читателя, но как же хорошо от них! Быть может, оттого, что они настоящие, и именно так я бы выразила и свои чувства. А что это, если не истинный талант поэта?

А рай не в небесах, а на земле.
И я светлее ничего не знаю
Того, что ты дана навеки мне —
Любимая, желанная, родная.

Море неизменно привлекает Музу поэтов, очаровывая и вдохновляя на прекрасные произведения. Как много тех, кто задается вопросом: что же так тянет к морю?
И Рамиль Сарчин дает простой и разумный ответ:

...А на море и мысли чисты,
И совсем не привязан ко Времени —
Потому я к нему и частил,
Что могло лишь оно обогреть меня...

Еще одна тема, которой касается каждый поэт, — это роль поэта в мире. Сотни веков гадают люди, отчего же так волнуют и притягивают стихи. Размышляет об этом и наш поэт:

Наши дни на земле не длиннее полуденной тени...
Отчего ж дольше вдоха и выдоха длится строка?..

Оттого и длится строка Рамиля Сарчина дольше вдоха и выдоха, что успеваешь за эти секунды вдруг понять, для чего мы здесь, на этой Земле, осчастливленные возможностью дышать и чувствовать.

Ценность автора и в том, что, поднимая вопросы, он не оставляет их открытыми, а сам пытается находить ответы:

Стихи должны быть чуть навеселе,
Среди всего – хотя бы малость самую,
Чтобы и мы, печальная краса моя,
Куражились от них...

А если нет –

Тогда зачем они и этот мир,
В котором мы живем и вечно маемся?
Когда не будет нам и этой малости,
Согреемся ль еще чьим светом мы?..

Само слово «малость», вынесенное в название всей книги, не раз и не случайно проникает в разные стихи поэта:

Нам не достало малости тепла –
Нет, не тепла небесного светила,
А чтоб душа во мраке не спала
И чтоб ее на весь бы век хватило.

И, закрывая книгу, отчетливо понимаешь, что эта самая малость, — не только и не столько размер стихотворных дум поэта, а светлое понимание того, как, оказывается, может хватать лишь мгновений жизни, чтобы ощутить счастье.

Задумчиво прикрываю дверь поэтического мира Рамиля Сарчина, не закрывая ее, чтобы снова возвратиться.

г. Люберцы (Московская область), 2024

АРИНА ГЕРШКОВИЧ

О стихотворении Рамиля Сарчина «Возвращение»

В стихотворении «Возвращение» Рамиль Сарчин рисует образ своей малой Родины, где люди, еще оставшиеся в селе, живут своей тихой, скромной жизнью, небогатой на события и лишенной городской суеты.

Село, как символ окраины мира, отражает уединение и спокойствие. С другой стороны, это своеобразная модель мироздания. В центре села стоит мечеть с озаренным солнцем куполом как символ духовности, веры в высшие нравственные ценности. Голуби, сизые, как дым, напоминают строки великого поэта А.С. Пушкина: «И дым Отечества / Нам сладок и приятен».

А сами птицы символизируют мир и надежду на новую жизнь. Зерно, которое они клюют, — это семя, с которого начинается и продолжается новая жизнь. В селе осталась мать — это начало всех начал; мать, дающая жизнь на земле.

С другой стороны, скупые эпитеты, используемые автором, наполняют стихотворение атмосферой интимности, теплоты, щемящей бо-

ли за одиноких родных людей, живущих в домишках с косящимися окнами.

Но косоглазие у окна светлое, и занавешено оно белой занавеской, которая «чем-то светлым наполняет дом», создавая атмосферу домашнего уюта и семейного тепла, ведь недаром занавеска была подарена невесткой.

И вновь возвращение к вере, аккумулирующей в себе нравственные принципы бытия: и занавеска «по старинке шитая к р е с т о м», и «окно с кривою к р е с т о в и н о й» горит, как купол мечети в центре села. И не увидеть этот огонь невозможно: это часть огня, зажженного от Благодатного огня, символизирующего восхождение, возрождение к новой жизни.

А «по старинке шитая» занавеска возвращает нас к жизни по заветам предков, ведь вышивка в прошлые века всегда несла в себе определенный код, передаваемый тому, для кого эта вещь была сделана.

Стихотворение «Возвращение» Рамиля Сарчина заставляет нас задуматься о времени, о нашем прошлом и настоящем. Оно напоминает нам о важности сохранять связь с прошлым, с историей своей земли и своего рода, со своими корнями. И возвращение на свою малую Родину – это возвращение к самому себе, это путь к пониманию своего места в мире. Возвращение

к себе — это возвращение к истокам, к тому, что делает нас уникальными и неповторимыми, что позволяет обрести внутренний покой и гармонию с самим собой и миром.

*г. Свердловск
(Луганская Народная Республика), 2024*

ВИКТОРИЯ ТРЕГУБОВА

«Нам не достало малости тепла...»

(читая Рамиля Сарчина)

*Переход, как всегда, незаметен –
До конца не поверишь концу,
Что ласкавший по-летнему ветер
По-осеннему бьёт по лицу...*

Р. Сарчин. «Отцветает трава...»

*...Моих друзей поющие сердца,
Переплавляющие в музыку страданье!
Благословенны будьте, в Мирозданье
Блуждая оцупью, без верного следа...*

В. Трегубова. «Друзьям по клубу авторской песни «Самотлор»

Когда недостаёт тепла, горят те, кому дано согреть и осветить. Переплавляют боль в лекарство, тьму в свет, и на этом стоит мир! И «будет это долго-долго длиться – и будут повторяться вновь и вновь и детские светящиеся лица, и солнышко, и звёзды, и любовь!»... Потому – земной поклон им, поэтам, всем и каждому, от тех, кому Слово светит и кого живит...

Переход от весны к осени и в природе, и в судьбе человека вправду неявен и застаёт распахнут нас, «безоружных» перед ним, и вот

тогда приближающаяся тьма способна перечеркнуть всё весеннее, чистое, красивое и радостное в нас. Противоречие «Вечность – бренность»... Оно непреодолимо, но в попытке, в усилии человека, поэта, оно превращается в Огниво – искрит и разрывает темноту для нового рождения (перерождения?)... Плавится что-то в душе, и загораются строки, чтобы длилась жизнь – она ведь там, где огонь. И непостижимым таинством остаётся «прорастание» любви из безысходности... Ведь было

...так темно, как будто ветер,
Рассыпав тучи по земле,
Тоску ночей увековечил
На мокрых лысинах полей.
(«Берёза посреди болота...»)

Явилось:

...А эти гребни-гривы каковы –
Сравниться с ними может лишь ковыль,
Что на ветру вынашивает зёрна!
(«Волны»)

А может, это перерождение было таким:

Когда от грусти никуда не деться,

Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем,
Не унимаясь, тянется во двор,
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.
(«Благая весть»)

Чего же нам недостаёт, «чтоб душа во мраке
не спала»? Поэту ведомо это!

Нам не достало малости тепла -
И не пробилось зёрнышко участия -
И некуда, и не к кому умчаться
Душе, что век свой слепо проспала.
(«Нам не достало малости...»)

Как же трудна его задача – разбередить-
разбудить спящую душу, искупать в ласке
солнечного тепла... Но если он хоть ненадолго
перестанет к этому стремиться – его душа то-
же заснёт – любящая душа Поэта...
Где для того, кому имя – Поэт, родник живо-
творящего тепла? Может быть, об этом строки:

...Я ушёл за грань того, что ведомо
Разве только Богу одному;

И звезде одной был только преданный,
Той, что обезболивает Тьму...
(«Я ушёл за грань того, что ведомо»)

И ещё:

Говорила бабка мне,
Солнышком лучась:
Даже и на камень
Хлебом отвечай!
(«Говорила бабушка...»)

Не один тот родник! Он и на родине малой, и
вдали от неё, на морском берегу:

...А ты стоишь – и сердце вон
Под эти бьющиеся воды:
Что может быть живее волн
И что безропотней уходит?
(«Как хорошо по берегам...»)

...В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно.
(«Возвращение»)

А ведь уязвимее Поэта нет на земле человека!
Он – тот, кто по осенним листьям ступает бережно: ему «...листья плещутся о ноги – так безысходно одиноки, совсем как брошенные дети»... И разлука для него губительна:

Стихи ты увела с собой –
Так, будто жёны при разводе,
Желая довершить разбой,
Детей уводят.
А без любимой и детей
И жить-то, попросту, не стоит...
(«Стихи ты увела с собой...»)

Только жаловаться Поэты не умеют, им петь дано... Но тот, кто песне внимает, грусть услышит и между строк:

Жизнь лишь тем светла и хороша,
Что в душе нуждается душа!..
(«Тимуру»)

Поэтов судьбы с февральями схожи:
Короткий месяц, но весне родня!..
(«Хотелось бы, чтобы расхожей ложью...»)

Ещё один дар Поэта – тревога о главном, единственном. Прислушаешься – откровением прозвучит:

...И тревожиться нам надо лишь о том,
Как за Вечность зацепиться добрым делом.
(«Мир – громада, и никто не лишен в нём...»)

И тогда несмотря ни на что – «...жизнь конечная – бесконечно хороша!»
А малости – их всем миром по крупницам от века добавляют поэты, которым ведомо:

Оттого, что мы живём однажды –
Только Здесь – и больше никогда –
Жизнь должна быть –
кровеносной скважиной –
От которой все бы города
Наполнялись добрыми улыбками –
Бесконечно-солнечным теплом –
Никогда бы судьбы – даже зыбкие –
Не бывали брошены на слом...
(«Оттого, что мы живём однажды...»)

Как много не сказано!.. О Поэте – только Поэту дано сказать сполна. С благодарностью и любовью!

г. Ханты-Мансийск, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предстишие...	3
По кругу...	4
Берёза посреди болота...	5
Ограды – не такие, как в деревне...	6
Листвой опавшие под ноги...	7
Роняя на размытый грунт...	8
Со смертью матери...	9
Берёза...	10
Деревья окрасились в солнце...	11
Уже ничего не растёт...	12
Замолкло по лесам...	13
...И осень...	14
Цветоповал....	15
Под тяжестью ветров прогнулись травы...	16
А с утра сегодня моросит...	17
Си-ля-соль-фа-ми-ре-до...	18
Как хорошо по берегам...	19
Ничего земного не приемля...	20
Смыкает небо тучи-веки...	21
Всё закончится так...	22
...Я ушёл за грань того, что ведомо...	23
...Как это непростительно – не длиться...	24
...Я просто хочу уйти...	25
...Оно задумано, чтоб веселить...	27
...Ты владеешь этим – абсолютно...	28
Сукровицей заката...	30
Нет радости ни от чего...	31
Если не напиться, то повеситься...	32
Горят поленья...	33
Отцветает трава, и колосья...	34
Безголосье...	35
Нерождённой дочери...	36

Это кто постучался в наш дом?...37
Мне бы детский смех услышать...38
Нам не достало малости тепла...39
Тапки...40
Не давите живого и тёплого...41
Мол, и жить тяжело...42
Не жизнь, а сплошные даты...43
...И ничего безнадежнее...44
Слёзы...45
Смерть...46
Как бы ни хотелось ерепениться...47
Музе...48
Печальное...49
Навяжется дума...50
Пьяное...51
...И непонятно, на которой улице...53
Скажи как на духу: ну разве...54
Два четвеостишия...55
...Я видел Мрак...56
В стакане белом...57
На краю ведёрка...58
Оттого что мы живём однажды...59
Ходить по птичьим рынкам...60
...и чтобы ни один из душных снов...61
Что ни день – ну, всё не по нутру...62
Мы продолжим жить и после смерти...63
Милость...64
...И снова травы сохнут на корню...65
Волны...66
Твоё «привет» в сто раз теплее «здрасьте»...67
Прошла любовь, и говорить на не о чем...68
Я ищу тебя (вроде шутки)...69
...Как этот одинокий пёс...70
...И никак душа не хочет...71

Дай мне насытиться запахом...72
В нереализованной любви...73
...Потом только – позвони ты мне...74
Сон...75
Пробуждение...77
Что же я такое сделал Там...78
Если бы ты знала, как мне одиноко...80
Я удалил твой телефон...81
Иссия-холодные, как нож...82
Казалось мне: ну что за дело...83
Змеинное...84
Своими пальцами по моей коже...85
Стихи ты увела с собой...86
Для тебя я такой же, как многие...87
Мне кажется, и ты – не Та...88
Ещё один день без тебя...89
Вот и ночь последняя пришла...90
Всё мгновенно пройдёт, как в кино...91
Айтулы...92
Утреннее...93
Дорога тянется...94
Родине...95
Ночное...96
Какова изба...97
Россия...98
Куда ни глянешь – не видать ни зги...99
Возвращение...100
Приехать мне сюда пораньше бы...101
Дом на краю села...102
Хлеб...103
Вечернее...104
Серёга...105
Снег почернел...106
Март...107

А по селу гуляла Пасха...108
Твой месяц и светел, и тёпел...109
Солнышко моё...110
Спасибо!..111
Шутка...112
Твои ласковые губы...113
Ты знаешь, родная, ты знаешь, любимая...114
Луизе...115
Тебе...116
Жене...117
На свете тьма прелестниц есть (шутка)...118
Вот и проклюнулись клейкие почки...119
Айгель...120
Амилю...121
Тимуру...122
Как это упоительно: мы – любим...123
Весна...124
И сказка стала правдой...125
Нынче день такой погожий...126
Как рукоплещут голуби любви!..127
Голубь...128
Завидуя голубям...129
Мир – громада, и никто не лишен в нём...130
Эх и жить-то хорошо, ребята...131
Благая весть...132
На заре...133
Заря...134
Настёне...135
Если имя – это знак судьбы...136
Васильки...137
Липовало лето по озёрам...138
Казалось, что нам мирозданье!..139
За изгородью вяза...140
Анапа...141

К Анапе (жене)...142
Мы с тобою как-то зимне...143
Амилу (Увези меня в Анапу...)...144
Как не хватает одиночеств!...145
...А на море и мысли чисты...146
На море....147
А в Крыму...148
Сколько ни живи – всё мало!..149
А у мамы муравейник на могиле...150
Челны...151
Вот и лес обнажился, и снова поля опустели...152
...Он пришёл ко мне во сне...153
Я постараюсь умереть смирно...154
Умирая, накажу тебе...155
Наказ...156
...Хотелось бы, чтобы расхожей ложью...157
День как добро...158
Поэтам...159
Вот так вот...160
Ты – женщина, а я поэт...161
Стихи должны быть чуть навеселе...162
Поэта к сердцу подпусти...163
Как всё-таки больно...164
Эта мысль – как порез ножевой...165
А на деле... 166
Столько в мире слов...167
А что написал бы Есенин...168
...И на чём не задержится глаз...169
Читая Роберта Миннулли...170
1. Соловьи...170
2. Соловьи только рождаются...171
3. Тоска по соловью...172
4. Прошла соловьиная пора...173
5. На Лебяжьем озере декабрь...174

6. Монолог пули, убившей Лорку...175
7. Солнце...176
8. Последняя листва...177
9. Осень...178
10. На Агидели...180
11. На Хан-горе...181
12. Ода золоту...183

О лирике Рамиля Сарчина

А. Рассадин. У России – осенний характер (о книге «Стихотворения»)...185

И. Лиснянская. О книге «Возвращение»...187

Э. Учаров. По мотивам книги стихов «Возвращение»...189

Р. Винонен. ...И ты всё шагаешь... (о книге «Цветоповал»)...198

Н. Алешков. Созвездия цветут из темноты...203

А. Цухлов. Деревья, окрашенные в солнце... (о книге «Малости»)...208

Р. Юрьева. «Малости» Рамиля Сарчина...212

А. Гершкович. О стихотворении Рамиля Сарчина «Возвращение»...217

В. Трегубова. «Нам не достало малости тепла...» (читая Рамиля Сарчина)...220

ISBN 978-5-00258-996-8

Сарчин Рамиль Шавкетович

К сердцу подпусти : стихотворения

*При оформлении обложки использована репродукция
иллюстрации Арины Гостевой к стихотворению
Рамяля Сарчина «Уже ничего не растёт...»*

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 29.07.2025.

Заказ 805.